3 1761 07326849 2

Annenkov, Mikail Nikolaevich
Fedor Vladimirovich TSvietaev

LA
2377
T78A5

Глубокоуважаемой
Ольгѣ Измаиловнѣ
Срезневской
от издателя.

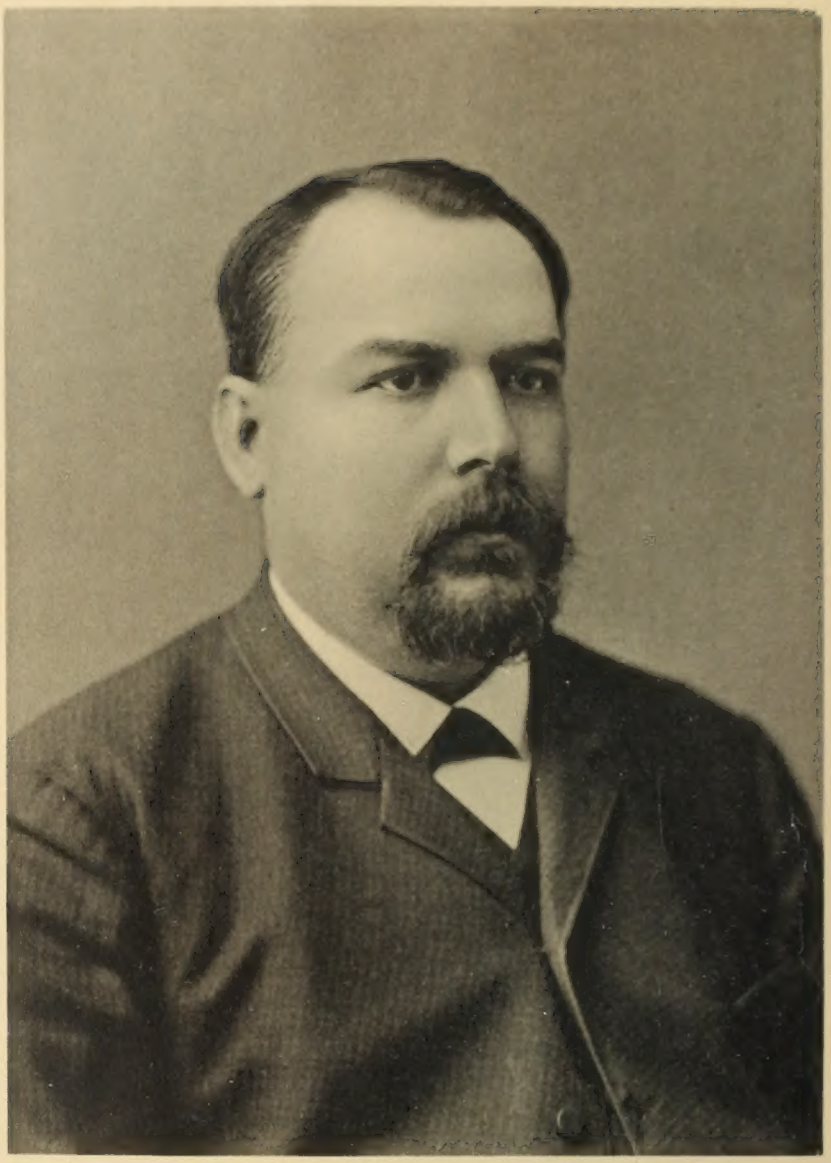
ѲЕДОРЪ ВЛАДИМІРОВИЧЪ

Цвѣтаевъ

въ воспоминаніяхъ его товарищей и учениковъ.

М. Анненкова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1902.



H. Ybsmack.

Annenkov, Mikhail Nikolaevich

Fedor Vladimirovich Tsvietaev

ѲЕДОРЪ ВЛАДИМІРОВИЧЪ

Цвѣтаевъ

въ воспоминаніяхъ его товарищей и учениковъ.

М. Анненкова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1902.

6095/502 пр.

LA
2377
T78 A5

Дозволено цензурою. Москва, января 9-го дня 1902 года.

Пр. 51 31195

ЦГПА
Библиотека
А-331

LIBRARY
MAR 1 1971
UNIVERSITY OF TORONTO

Предлагаемый сборникъ статей и воспоминаній о неожиданно скончавшемся, годъ тому назадъ, московскомъ педагогѣ Ѳ. Вл. Цвѣтаевѣ составленъ его почитателями главнымъ образомъ изъ среды его товарищей по образованію, сослуживцевъ и учениковъ. Выпуская эту небольшую брошюру къ первой годовщинѣ его горячо оплаканной кончины, мы исполняемъ этимъ и долгъ многолѣтней дружбы съ покойнымъ и желаніе всѣхъ знавшихъ этого истинно добраго и хорошаго дѣятеля нашей средней школы. Нижеслѣдующія страницы посвящаются нами его ученикамъ и ученицамъ, которыхъ у него было много и которымъ онъ отдавалъ всѣ свои думы, попеченія и силы. Онъ и умеръ въ заботахъ о своихъ ученицахъ, которымъ въ скоромъ времени предстоялъ трудный выпускной экзаменъ.

М. Анненковъ.

I.

БІОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ.

I.

Юность Ѳ. Вл. Цвѣтаева.—Низшая и средняя школа.—Университетъ.—Начало служебной дѣятельности.

Въ ночь съ 11-го на 12-е минувшаго февраля неожиданно для всѣхъ скончался инспекторъ 2-й московской женской гимназіи Ѳедоръ Владиміровичъ Цвѣтаевъ, проболѣвъ только три дня. Эта всего менѣе предполагавшаяся кончина глубоко поразила педагогическій міръ Москвы, среди котораго покойный пользовался искреннимъ уваженіемъ, а равно и обширный кругъ его учениковъ и ученицъ, гдѣ его личность въ теченіе всей его педагогической службы окружена была неизмѣнной любовью. Въ числѣ лицъ, пораженныхъ этою преждевременною утратой полезнаго общественнаго дѣятеля и очень хорошаго человѣка, находился и пишущій эти строки. Подъ гнетомъ охватившаго горя, мы могли тогда только прислушиваться къ многочисленнымъ похваламъ лучшимъ свойствамъ покойнаго нашего друга, не имѣя силъ принять прямого участія въ дѣлѣ освѣщенія нравственныхъ достоинствъ этого скромнѣйшаго дѣятеля средней школы.

Лишь теперь мы собрали въ памяти нѣкоторыя разсѣянныя черты и дѣлимся ими съ другими почитателями его личности, надѣясь этимъ посильнымъ возстановленіемъ дорогого портрета доставить имъ несомнѣнное удовольствіе.

Наши воспоминанія касаются здѣсь только его юности и начала его педагогической службы.

Ѳедоръ Владиміровичъ Цвѣтаевъ родился въ 1849 году въ семьѣ сельскаго священника владимірской губ., шуйскаго уѣзда, Владиміра Васильевича Цвѣтаева.

Первыми уроками въ грамотѣ и воспитаніи онъ обязанъ былъ своему отцу, человѣку замѣчательно кроткому и доброму, но воли твердой и настойчивой.

Тихій, молчаливый, погруженный въ исполненіе своихъ обязанностей по церкви и по приходу и отличный сельскій хозяинъ, самъ собственными руками пахавшій и сжинавшій въ молодости свое поле, самъ косившій траву до преклонныхъ лѣтъ, самъ сушившій овины и молотившій цѣпомъ свой хлѣбъ, идя въ этомъ тяжеломъ трудѣ на ряду съ рабочими, этотъ скромный сельскій священникъ пользовался такимъ высокимъ нравственнымъ авторитетомъ, что за совѣтомъ и нравственною помощію къ нему часто приходили лица самыхъ разнородныхъ общественныхъ положеній.

Духовникъ и затѣмъ благочинный по избранію духовенства своей округи, онъ сталъ центральною личностью, къ которой тяготѣли и духовные, и міряне, —простой народъ, необычайно его любившій, и помѣщики, и чиновники сосѣднихъ городовъ Шуи и Иваново-Вознесенска, относившіеся къ нему всегда съ замѣчательнымъ почтеніемъ. Кротость и доброта характера, серіозность внутренняго настроенія и сознаніе своего достоинства, которымъ не поступился онъ ни разу въ жизни ни передъ кѣмъ, въ одно и то же время и привлекали къ этому „отцу Владиміру“ (такъ его звали и заочно) всѣхъ имѣвшихъ въ

немъ какую-нибудь нужду, и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно сдерживали въ его присутствіи рѣчи даже людей на языкъ необузданныхъ и охотниковъ до вольныхъ калабмуровъ и выраженій сомнительнаго достоинства. Какая-то особая нравственная мощь царила въ этомъ скромномъ сельскомъ священникѣ, и только этимъ объясняется тотъ фактъ, что когда онъ окончилъ свою исполненную трудовъ и плодотворную жизнь, то погребеніе его привлекло большую массу и простого народа, и иныхъ почитателей съ обширнаго района. Большой сельскій храмъ не могъ тогда вмѣстить въ себѣ всѣхъ сюда прибывшихъ, а съ хвалебнымъ надгробнымъ словомъ нравственной личности кроткаго захолустнаго служителя алтаря явились изъ города лица съ высшимъ богословскимъ образованіемъ.

Это было ранней весной 1884 г. Съ тѣхъ поръ прошло 17 лѣтъ; но эти особо сердечныя и особо многолюдныя и торжественныя похороны скромнаго труженика живо предстали предъ нами 14-го февраля сего года, когда въ Москвѣ хоронили его сына, инспектора 2-й московской женской гимназіи и учителя 6-й мужской гимназіи Ѳ. Вл. Цвѣтаева. Такъ же, какъ ко гробу его отца, собралось теперь само собою, движимое исключительно нравственными мотивами, очень большое общество со всей Москвы, люди различныхъ классовъ и возрастовъ, начиная съ сѣдыхъ стариковъ и кончая юными питомцами и питомицами учебныхъ заведеній.

Сошлись сюда и родители его учениковъ и ученицъ, и его прежніе питомцы, давно сами выступившіе на жизненную арену, и недавніе гимназисты, ставшіе студентами; плотною стѣной обступили утопавшій въ цвѣтахъ и вѣнкахъ его гробъ многочи-

сленные сослуживцы и товарищи. Всѣ эти лица принесли съ собою и несомнѣнную скорбь, и слезы сожалѣнія, и недоумѣніе о преждевременности кончины любимаго человѣка, и громко высказывавшіяся горячія и почтительныя рѣчи о добротѣ и высокогуманномъ образѣ почившаго. Такой же скромный, кроткій, такой же застѣнчивый, весь преданный тяжелой школьной работѣ, не терпѣвшій и не знавшій въ жизни никакихъ рекламъ, этотъ учитель и руководитель среднихъ учебныхъ заведеній Москвы почтенъ былъ такимъ публичнымъ горемъ и такими трогательными рѣчами, посвященными его „добродѣтели", какія рѣдко выпадаютъ на долю даже и людей высокаго общественнаго положенія и при жизни громкаго титула и имени. Горе и почтеніе его бывшихъ учениковъ не позволили роднымъ поставить его гробъ на погребальную колесницу: студенты высшихъ учебныхъ заведеній Москвы и гимназисты старшихъ классовъ понесли гробъ своего бывшаго наставника по всему городу, вплоть до траурнаго вагона желѣзной дороги, возбуждая тѣмъ общіе вопросы публики по всему пути печальнаго шествія. То были похороны, рѣдкія по многолюдству и по искренности выражаемой скорби.

Что же привлекло такую многочисленную и разнородную массу лицъ вѣчно занятой столицы ко гробу человѣка, при жизни, внѣ исключительно школьной сферы, совсѣмъ неизвѣстнаго? Эти наилучшія чувства памяти и почтенія вызваны были тѣми же нравственными свойствами почившаго, какими обладалъ его отецъ и первоначальный воспитатель и которыя тотъ передалъ своему сыну: эту любовь къ другимъ, неизмѣнное доброжелательство, привычку служить беззавѣтно всѣмъ, въ его участіи нуждавшимся, скром-

ность въ отношеніи себя, рѣдкую деликатность въ обхожденіи съ другими и высокое уваженіе правъ человѣческихъ во всякомъ, будь это мальчикъ, дѣвочка или старикъ, знатный или бѣднякъ, человѣкъ ему совсѣмъ посторонній, или въ какомъ-либо отношеніи отъ него зависящій.

Тутъ между отцомъ и сыномъ было столько общаго, что одни и тѣ же нравственныя свойства перваго до подробностей повторились въ послѣднемъ. Оттого и почетъ имъ на концѣ ихъ жизни былъ возданъ тотъ же самый, хотя и въ различныхъ, отдаленныхъ другъ отъ друга, мѣстахъ и въ различныхъ общественныхъ сферахъ.

Но мы упредили событія. 9-ти лѣтъ отъ роду Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ былъ помѣщенъ въ шуйское духовное училище. Велика была бѣдность жизни юношей духовныхъ школъ лѣтъ 40 тому назадъ. По 8—10 человѣкъ они ютились въ заднихъ избахъ или на кухняхъ мѣщанъ и причетниковъ уѣздныхъ городовъ, окруженные невѣроятною нищетой: не зная кроватей, они спали на полу въ повалку, по лавкамъ или на полатяхъ, на простыхъ войлокахъ, безъ малѣйшаго признака постельнаго бѣлья, и ходили въ жесткихъ пестрядныхъ рубашкахъ. Посѣщали они школу до 15 лѣтъ въ лѣтнюю пору босикомъ, а зимой оставались все время классовъ въ овчинныхъ домашняго приготовленія тулупахъ и валенкахъ, такъ какъ двойного платья, верхняго и нижняго, тогда духовнымъ школьникамъ не полагалось, да и раздѣвальныхъ въ школахъ не было и въ поминѣ. Эта бѣдность съ аскетически-скуднымъ питаніемъ изъ деревяннаго общаго блюда и деревянными ложками и съ хожденіемъ домой на лѣтнія вакаціи также босикомъ на протяже-

ніи болѣе сотни верстъ и со всѣмъ имуществомъ за плечами—эта для настоящаго времени уже легендарная бѣдность школьной жизни должна была вселить въ будущаго учителя и инспектора то твердое пониманіе горечи чужой нужды, которымъ былъ такъ замѣчательно силенъ и такъ хорошо былъ извѣстенъ Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ всѣмъ, гнетомымъ бѣдностію — и ученикамъ, ихъ родителямъ и товарищамъ-педагогамъ.

Не любя говорить о тяжелыхъ дняхъ своей юности, онъ глубоко чувствовалъ чужую нужду и не умѣлъ жалѣть себя на хлопоты о матеріальной и нравственной помощи всякому, кто въ ней нуждался. Облегченіе чужого несчастія и матеріальнаго стѣсненія отличало его поэтому всю жизнь; работалъ онъ для этого много, говоря объ этомъ по обыкновенію очень мало или, вѣрнѣе, совсѣмъ не разсказывая о томъ другимъ, даже и самымъ близкимъ. Только уже по его кончинѣ вскрылись черновыя его многочисленныхъ писемъ, ходатайствъ и представленій различнымъ лицамъ и учрежденіямъ о матеріальномъ пособіи людямъ, ввѣреннымъ его попеченію.

Суровая школа, пройденная Ѳ. Вл. Цвѣтаевымъ на зарѣ жизни, была новымъ факторомъ въ образованіи особо-гуманнаго характера этого будущаго педагога и начальника учебнаго заведенія. Духовнымъ училищамъ, сначала шуйскому, потомъ владимірскому, и владимірской духовной семинаріи, гдѣ онъ продолжалъ свое среднее образованіе, Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ обязанъ и другимъ педагогическимъ принципомъ, это— убѣжденіемъ его въ крайнемъ вредѣ многочисленныхъ классовъ. Желательность параллельныхъ отдѣленій для школъ, гдѣ онъ въ разное время училъ, и необходимость основанія новыхъ учебныхъ заведеній—

были его основнымъ убѣжденіемъ и горячею мечтой, вытекавшими изъ опыта его школьной жизни. Бывало, 60 и даже 70 человѣкъ въ одномъ классѣ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ считалось обычнымъ явленіемъ, равно какъ и то, что въ каждомъ классѣ всѣ сидѣли тамъ по два года, а малоуспѣшные или неумѣвшіе сдать благополучно своихъ экзаменовъ оставались въ одномъ и томъ же положеніи по четыре года.

Это многолюдство классовъ учителямъ не давало возможности разпознать своихъ учениковъ и слѣдить за индивидуальными особенностями дарованій и характера ихъ, а воспитанниковъ лишало случая вполнѣ обнаружить свой внутренній строй и пользоваться надлежащимъ уходомъ своихъ наставниковъ. Оттого очень много дѣтей и юношей затеривалось въ такой массѣ, не проявивъ своихъ настоящихъ силъ въ школѣ, и даже гибло совсѣмъ.

Покойный Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ испыталъ вредъ такого положенія вещей на себѣ и на своемъ младшемъ братѣ, нынѣ извѣстномъ профессорѣ Русской исторіи варшавскаго университета.

Поступивъ, каждый въ свой чередъ, въ очень многолюдные классы и затерявшись въ массѣ, они сначала съ трудомъ переходили изъ класса въ классъ, до того времени, какъ послѣдовало превращеніе духовныхъ трехклассныхъ семинарій въ шестиклассныя, съ годичнымъ курсомъ. Уменьшеніе числа учениковъ въ каждомъ классѣ на цѣлую половину отозвалось совершеннымъ перерожденіемъ того и другого брата. Черезъ годъ—два уже нельзя было узнать ихъ обоихъ: явились внутренній огонь, выдающаяся энергія, любознательность и стремленіе къ высшему

учебному заведенію, о которомъ, при прежнемъ положеніи, было бы и думать нечего. Въ лицѣ нѣсколькихъ даровитыхъ и энергичныхъ учителей они нашли теперь и внимательныхъ руководителей.

Собственный опытъ изъ первыхъ лѣтъ своей школьной жизни наградилъ Ѳ. Вл. Цвѣтаева также и жизненнымъ правиломъ не спѣшить оцѣнкою умственныхъ способностей и нравственнаго строя учениковъ, особенно слабыхъ. И на себѣ и на другихъ онъ видѣлъ примѣры болѣе поздняго, болѣе медленнаго развитія, которое оказывалось впослѣдствіи болѣе прочнымъ и болѣе надежнымъ сравнительно съ блистательными проявленіями даровитости при началѣ ученія. Оттого-то онъ и берегъ такъ усиленно своихъ питомцевъ отъ дурныхъ послѣдствій неудовлетворительныхъ отмѣтокъ всякаго рода—въ первые годы ихъ пребыванія въ школѣ. Такъ искусный садовникъ терпѣливо выхаживаетъ нѣжныя, но захудалыя, слабыя растенія на первыхъ порахъ... Оттого добиться тяжелой и крутой мѣры отъ Ѳ. Вл. Цвѣтаева относительно неисправныхъ малышей было прямо нельзя.

Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ, когда-то вынужденный просидѣть въ 3 классѣ владимірскаго духовнаго училища цѣлыхъ четыре года, впослѣдствіи сдѣлался однимъ изъ лучшихъ учениковъ и въ 1870 году поступилъ въ с.-петербургскій университетъ, на историко-филологическій факультетъ, гдѣ и кончилъ курсъ со степенью кандидата, испытавъ на себѣ благотворное вліяніе лекцій и руководства профессоровъ И. И. Срезневскаго, О. Ѳ. Миллера и М. И. Сухомлинова, которому имъ представлено было большое и дѣльное кандидатское сочиненіе — О языкѣ поученія Владиміра Мономаха. Изъ другихъ профессоровъ историко-филологическаго

факультета онъ до конца жизни особую благодарность питалъ, за добрыя къ нему отношенія, къ Н. М. Благовѣщенскому, который съ обычнымъ благодушіемъ оказалъ существенную ему помощь въ самые первые дни пребыванія его въ Петербургѣ, Г. С. Дестунису, въ домѣ котораго онъ былъ хорошо принятъ въ теченіе всего студенчества, и И. В. Помяловскому, добрыми совѣтами и указаніями котораго онъ пользовался не разъ.

Въ духовныхъ семинаріяхъ 60-хъ годовъ преподаваніе древнихъ языковъ упало до самой низкой степени, такъ что воспитанники пробавлялись въ массѣ только тѣми свѣдѣніями, которыми они запаслись въ низшихъ школахъ, въ духовныхъ училищахъ, гдѣ тогда доживали свой вѣкъ и какъ бы допѣвали свои пѣсни старые учителя, для той поры да и для всѣхъ слѣдовавшихъ затѣмъ лѣтъ несравненные знатоки латинскаго и греческаго языковъ. Ревностные хранители греко-латинскихъ преданій старинныхъ духовныхъ академій и школъ, знавшіе множество латинскихъ текстовъ на память и бойко говорившіе по-латыни, хотя конечно и не языкомъ классическаго періода, эти отходившіе изъ окружающаго новаго міра наставники съ нескрываемой грустью смотрѣли на упадокъ излюбленныхъ ими греко-латинскихъ студій въ молодыхъ поколѣніяхъ и употребляли всѣ силы и свое время на то, чтобы передать болѣе прилежнымъ изъ своихъ юныхъ учениковъ свои, упорнымъ трудомъ многихъ лѣтъ нажитыя, познанія и свои, для другихъ непонятныя, симпатіи.

Но къ 60-мъ годамъ такихъ ветерановъ-идеалистовъ и въ духовныхъ училищахъ становилось уже очень мало. И совершенно исключительное явленіе пред-

ставляли такія, удивительныя по своему увлеченію и по своимъ высоко-идеальнымъ стремленіямъ, личности, какъ покойный смотритель шуйскаго духовнаго училища П. П. Чуриловскій, который, получая 300 руб. въ годъ жалованья, въ 50-хъ годахъ ревностно давалъ уроки не только въ учебные дни, но и по воскресеньямъ и по праздникамъ, собирая безплатно лучшихъ своихъ учениковъ у себя на дому для того, чтобы переводить и объяснять съ ними латинскіе тексты, не положенные по программѣ, и учить хорошимъ латинскимъ переводамъ. Это былъ „послѣдній изъ могиканъ", безпримѣрный, во владимірской губерніи не повторявшійся потомъ, горячій, беззавѣтный энтузіастъ латыни, затѣмъ въ духовныхъ нашихъ школахъ, подъ напоромъ новыхъ воззрѣній и новыхъ жизненныхъ потребностей, все болѣе и болѣе падавшей съ какою-то неудержимой, роковою силой.

Оттого питомцамъ семинарій, поступавшимъ на историко-филологическіе факультеты, приходилось первые годы работать по древнимъ языкамъ, особенно много и усиленно, начавши дѣло почти съ начала. Но одаренные твердой волей и устойчивые въ умственномъ трудѣ, они побороли препятствія и успѣшно справлялись съ новою задачей и новыми условіями. Эту трудную школу первоначальныхъ классическихъ студій прошелъ вмѣстѣ съ товарищами и Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ, на двухъ первыхъ курсахъ работавшій и чрезвычайно много и съ крайнимъ напряженіемъ силъ, стоившимъ ему, на первомъ году, тяжелой нервной болѣзни.

Поборовши это затрудненіе, онъ съ третьяго курса университета избралъ для себя спеціальностью русскій языкъ и русскую словесность, изученіе и препо-

даваніе которыхъ и стало потомъ для него дѣломъ цѣлой жизни.

На студентовъ с.-петербургскаго университета въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, безъ различія курсовъ, спеціальностей и даже факультетовъ, съ обаятельной силою дѣйствовалъ профессоръ Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ какъ своимъ научнымъ энтузіазмомъ, такъ и высокимъ складомъ своей нравственной личности—этой идеальной добротою и безпримѣрнымъ служеніемъ всякой студенческой нуждѣ, матеріальной или нравственной. Этотъ рѣдкій профессоръ, какъ бы человѣкъ совершенно иного нравственнаго уклада и иного міра, ожидающій своего достойнаго біографа, производилъ чарующее впечатлѣніе и на Ѳ. В. Цвѣтаева, который вспоминалъ его потомъ съ какимъ-то особымъ поклоненіемъ передъ его личностью всю жизнь. Идеальная доброта этого ученаго и профессора несомнѣнно заронила не одно плодоносное сѣмя въ воспріимчивое сердце нашего друга, ставшаго въ своей дѣятельности человѣколюбцемъ по преимуществу, какъ единодушно свидѣтельствуютъ объ этомъ всѣ его знавшіе потомъ.

Курсъ, къ которому принадлежалъ Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ, состоялъ изъ людей даровитыхъ, изъ которыхъ вышли впослѣдствіи и выдающіеся ученые и выдающіеся педагоги, ставшіе начальниками среднихъ учебныхъ заведеній въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Но бо́льшая даровитость его нѣкоторыхъ университетскихъ товарищей не затмила самостоятельной личности Ѳ. Вл. Цвѣтаева. Его неизмѣнное благодушіе, замѣчательная прямота, живая способность быстро и глубоко проникаться чужимъ горемъ и несчастьемъ создали ему видное положеніе между

сверстниками, которые бывало густою толпой любили собираться въ его студенческой квартирѣ. Обычное ему имя между товарищами было: „Ѳедоръ“, ясно характеризовавшее его простую, прямодушную, откровенную природу. „Пойдемъ къ Ѳедору, я былъ у Ѳедора, Ѳедоръ сказалъ“—такія и подобныя выраженія ясно указывали, о какомъ товарищѣ шла тогда рѣчь между ними.

Университетскій курсъ, со степенью кандидата, Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ окончилъ весной 1874 г., и съ августа мѣсяца того же года поступилъ учителемъ русскаго языка въ шуйскую мужскую прогимназію, желая тѣмъ посвятить свои молодыя силы просвѣщенію своего родного города, близкаго ему по воспоминаніямъ дѣтскихъ лѣтъ. Мечта, достойная и молодого возраста и особо-добраго сердца начинающаго педагога. Съ горячимъ увлеченіемъ принялся онъ за новое дѣло, и скоро молодой учитель завоевалъ себѣ живыя симпатіи какъ учениковъ и ихъ родителей, такъ и товарищей по службѣ.

Но прямота его характера, это драгоцѣнное его свойство, свято пронесенное имъ чрезъ всю жизнь, дурно была понята начальникомъ заведенія, человѣкомъ раздражительнымъ до болѣзненности, придирчивымъ и близорукимъ, который началъ подозрѣвать прибывшаго къ нему юнаго петербургскаго кандидата чуть не въ нигилизмѣ. Первый годъ педагогической службы, поэтому, былъ очень тяжелымъ испытаніемъ для Ѳ. Вл. Цвѣтаева, который всегда потомъ съ благодарностью вспоминалъ покойнаго окружнаго инспектора московскаго учебнаго округа Я. И. Вейнберга, явившагося въ Шую на ревизію, разобравшаго

эти тягостныя для него отношенія и посовѣтовавшаго ему поступить на лучшее учительское мѣсто въ городѣ Орлѣ.

Этотъ новый періодъ жизни Ѳ. Вл. Цвѣтаева живо вырисовывается въ нижеслѣдующихъ воспоминаніяхъ орловскихъ педагоговъ, прежнихъ его товарищей.

II.

Пребываніе Ѳ. Вл. Цвѣтаева въ г. Орлѣ.—Воспоминанія В. Ѳ. Ферхова.

Осенью 1875 г. въ наше орловское реальное училище былъ переведенъ изъ Шуи молодой преподаватель русскаго языка и словесности Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ. Директоромъ этого учебнаго заведенія состоялъ въ ту пору А. И. Дружининъ. Опытный въ пониманіи лицъ педагогическаго персонала, талантливый и доброжелательный, онъ скоро оцѣнилъ своего новаго сослуживца. Въ непродолжительномъ времени онъ поручилъ ему секретарство въ педагогическомъ совѣтѣ училища, и потомъ чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще привлекалъ его къ составленію годичныхъ отчетовъ и разныхъ бумагъ оффиціальнаго характера. Съ неизмѣннымъ довѣріемъ и уваженіемъ этотъ почтенный нашъ начальникъ относился къ Ѳедору Владиміровичу до самой своей кончины. Слѣдовавшіе затѣмъ директоры находили въ его лицѣ уже не только преподавателя съ прочнымъ положеніемъ въ училищѣ, но и опытнаго себѣ помощника въ сферѣ административной. Изъ начальниковъ училища особенное вліяніе въ послѣднемъ отношеніи на него имѣлъ почтенный А. А. Кривоносовъ, очень точный педагогъ-администраторъ и аккуратный въ веденіи дѣлъ самъ, но за то и требовавшій отчетливости и своевременности въ работѣ отъ другихъ.

Прочно установившаяся въ городѣ репутація Ѳ. Вл. Цвѣтаева, какъ хорошаго преподавателя и сердечнаго человѣка, повела къ тому, что директоръ Орловской-Бахтина военной гимназіи (нынѣ кадетскаго корпуса) генералъ Чигаревъ пригласилъ его преподавать русскій языкъ и словесность въ подвѣдомственной ему гимназіи и своимъ подроставшимъ дочерямъ, получавшимъ домашнее воспитаніе и образованіе. И здѣсь установились у него тѣ же добрыя отношенія. Генералъ Вл. К. Чигаревъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ потомъ указывалъ, что его старшая дочь оканчивала изученіе русской словесности подъ благотворнымъ руководствомъ Ѳ. Вл. Цвѣтаева.

Но значительность разстоянія между реальнымъ училищемъ и военною гимназіей, стоящими на противоположныхъ краяхъ города, и увеличивавшееся число уроковъ во все разроставшемся училищѣ побуждали нашего товарища ограничить свои занятія однимъ мѣстомъ службы. И потому онъ охотно передалъ это мѣсто въ военной гимназіи своему младшему брату Д. Вл. Цвѣтаеву, пріѣхавшему въ Орелъ на военно-педагогическую службу изъ Петербурга.

Оба брата поселились вмѣстѣ. Учительское содержаніе, получаемое двоими и шедшее у нихъ въ одну общую кассу, дѣлало ихъ достаточно обезпеченными, и потому частныхъ уроковъ они почти не давали. Они завели свое маленькое хозяйство: большое количество разной домашней птицы и лошадь съ экипажемъ—эту роскошь, обыкновенно совсѣмъ недоступную лицамъ педагогическаго сословія. Квартиру они имѣли въ лучшей части города, просторную, красивую, удобную, съ конюшней, сараями, садомъ.

Заботы по хозяйству лежали исключительно на

старшемъ братѣ, у котораго, какъ преподававшаго уже далеко не первый годъ, и времени свободнаго было болѣе да и по своему характеру онъ былъ человѣкъ болѣе практическій. Обезпеченные, дѣятельные, гостепріимные, они оба сдѣлались живымъ центромъ для большей части молодого слоя орловскаго преподавательскаго міра, уже и во второй половинѣ 70-хъ годовъ обширнаго и разнообразнаго. Въ ихъ гостепріимномъ домѣ сходились учителя классической гимназіи, военной гимназіи, реальнаго училища и женской гимназіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, куда скоро опредѣленъ былъ руководителемъ по предмету педагогики Д. Вл. Цвѣтаевъ. Здѣсь собирались, кромѣ молодежи, и педагоги старшаго поколѣнія, и начальники орловскихъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ и ректоръ духовной семинаріи о. протоіерей А. В. Богдановъ, впослѣдствіи епископъ тамбовскій Александръ.

Карточной игры, этого обычнаго развлеченія провинціальнаго общества, здѣсь совсѣмъ не было, да преподавательская молодежь не для того и собиралась сюда. Заходили и сходились здѣсь просто за тѣмъ, чтобы отдохнуть и, какъ говорится, отвести душу. За чаемъ или за вечернимъ столомъ завязывались и загорались непринужденныя и чуждыя офиціальности бесѣды, въ которыхъ каждый получалъ роздыхъ отъ служебной тяги и житейской скуки, подновляя тѣмъ свои духовныя силы.

Жизненныя дрязги, взаимные счеты и недоразумѣнія обыкновенно были тутъ далеки отъ насъ. Реальные факты текущей жизни нерѣдко заносили нашу мысль въ область общихъ вопросовъ педагогики, дидактики, литературы, той или иной науки и проч. Случится въ

той или иной отечественной школѣ какой-либо изъ ряда выходящій казусъ—и онъ вызывалъ у насъ на этихъ товарищескихъ собраніяхъ живой обмѣнъ мыслей о формахъ, видахъ и средствахъ воспитанія, обученія, о типахъ школъ, при чемъ наглядныя иллюстраціи доставляла всѣмъ намъ извѣстная практика орловскихъ учебныхъ заведеній. Заѣздъ въ Орелъ виднаго пѣвца, музыканта, актера возбуждалъ здѣсь нерѣдко наши рѣчи объ искусствахъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ насъ хорошо пѣли русскія пѣсни, большинство понимало въ нихъ толкъ, а другіе играли на рояли или на скрипкѣ.

Въ жизни орловскаго общества и отчасти въ нашемъ педагогическомъ мірѣ стали тогда пріобрѣтать видную роль нѣкоторые поляки, и въ нашихъ бесѣдахъ всплывалъ и уяснялся „польскій вопросъ", который, впрочемъ, въ нашихъ тогдашнихъ сужденіяхъ не принималъ рѣзкихъ формъ, быть можетъ, и потому, что среди нашихъ близкихъ стороннихъ знакомыхъ было нѣсколько довольно обрусѣвшихъ и симпатично относившихся къ намъ польскихъ семей.

Въ Москвѣ ставился памятникъ Пушкину, на открытіе котораго весною 1880 г. Д. Вл. Цвѣтаевъ ѣздилъ отъ военной гимназіи депутатомъ, а Ѳедоръ Владиміровичъ относился къ Пушкину открыто съ благоговѣніемъ и зналъ чрезвычайно многое изъ него наизусть—и потому у насъ неоднократно на тѣхъ памятныхъ вечеринкахъ поднимались живыя рѣчи о свойствахъ и заслугахъ поэзіи Пушкина, въ сравненіи ея съ поэзіей другихъ писателей, при чемъ математики преизрядно-таки, какъ тогда водилось, подзадоривали своими сужденіями словесниковъ. Д. Вл. Цвѣтаевъ тогда писалъ и началъ печатать свои разъясненія

31/125

балладъ Шиллера въ связи съ его классными занятіями въ военной гимназіи: эта работа сближала его съ преподавателями нѣмецкаго языка орловскихъ учебныхъ заведеній, — и Шиллеръ дебатировался у насъ тогда и русскими и нѣмцами.

Въ теченіе всѣхъ 70-хъ годовъ грустное эхо Берлинскаго конгресса звучало не переставая по всей Россіи и потому вопросы объ отношеніяхъ Россіи къ Германіи и Англіи и такъ-назыв. „нѣмецко-русскій" вопросъ конечно занимали и насъ, орловскихъ педагоговъ.

Трудно, конечно, перечислить теперь даже главныя темы нашихъ тогдашнихъ бесѣдъ; можно только сказать: думалось и говорилось нами здѣсь о многомъ, что протекало въ доступной нашему наблюденію и интересамъ тогдашней жизни, и на многое былъ свой горячій откликъ на этихъ, всегда оживленныхъ, вечеринкахъ Ѳ. Вл. Цвѣтаева. О тѣхъ же предметахъ, разумѣется, велась рѣчь, когда мы собирались и у кого-либо изъ нашего, тогда дружно жившаго, кружка.

Нѣкоторые изъ насъ уже имѣли семьи, и въ такомъ случаѣ руководство бесѣдъ въ значительной степени зависѣло отъ хозяйки дома. Двѣ-три изъ нихъ владѣли небольшими имѣніями, и рѣчь тогда сводилась на сельское хозяйство. Никто изъ насъ, учителей, не умѣлъ бывало говорить съ ними о сельской жизни и хозяйствѣ такъ толково, дѣловито и авторитетно какъ Ѳедоръ Владиміровичъ, любившій деревню какою-то особенно горячей любовью. Одинъ изъ его учениковъ передавалъ мнѣ, что Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ какъ-то особенно интересно объяснялъ имъ стихотворенія Кольцова „Урожай", „Пѣсня пахаря" и т. п. Нельзя не повѣрить этому. Сынъ села—обыкновенно

на лѣтнія каникулы всегда ѣздившій на родину и знавшій сельскій быть не по книжкамъ и не по дачному кругозору, онъ живо понималъ и непосредственно чувствовалъ эстетическую красоту и въ сельской работѣ и въ простой русской сельской природѣ. Это должно было отражаться и на его урокахъ, благодѣтельно дѣйствуя на воспріимчивую душу учениковъ...

Домъ Ѳ. Вл. Цвѣтаева служилъ для многихъ изъ насъ, и особенно для молодыхъ преподавателей, какъ мы сказали выше, центральнымъ пунктомъ, гдѣ мы, согрѣваемые рѣдкимъ благодушіемъ нынѣ, увы, покойнаго товарища, такъ любили собираться и отдыхать отъ обычной тяготы. А только тотъ, кто самъ служилъ или служитъ въ провинціи и знаетъ, изъ чего состоитъ и какъ складывается тамъ жизнь преподавателя вообще и молодого въ частности, тотъ только пойметъ дѣйствительную для насъ цѣну случайно образовавшагося кружка для товарищескихъ бесѣдъ, общихъ прогулокъ за городъ и проч. Да и мы сами надлежащее значеніе всего этого могли понять и оцѣнить лишь много спустя, когда большинство изъ насъ поразбрелось въ разныя стороны, по разнымъ городамъ, а иные изъ насъ испытали и на себѣ всю тяжесть изсушающе-замкнутой и монотонной жизни провинціальныхъ преподавателей...

Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ, обладая душою простой, теплой и отзывчивой, сталъ, можетъ быть и самъ того не замѣчая, связующимъ звеномъ кружка орловскихъ педагоговъ второй половины 70-хъ и начала 80-хъ годовъ.

Какъ учитель, онъ по справедливости слылъ искуснымъ и опытнымъ руководителемъ молодежи; онъ у насъ особенно много работалъ надъ учени-

ческими письменными упражненіями и умѣлъ научать грамотному и толковому изложенію мыслей на бумагѣ, не будучи самъ человѣкомъ краснорѣчивымъ и не развивая погони за красивыми фразами въ ученикахъ.

Оттого-то когда, весною 1883 г., въ Орелъ пріѣхалъ на выпускные экзамены классической гимназіи и реальнаго училища депутатомъ отъ учебнаго округа профессоръ московскаго университета Вс. Ѳед. Миллеръ, сочиненія учениковъ Ѳ. Вл. Цвѣтаева обратили его особенное вниманіе достоинствами изложенія. Выгодная аттестація, данная профессоромъ Миллеромъ этой сторонѣ его дѣятельности, способствовала переводу его въ Москву. Нашъ почившій товарищъ умѣлъ заставить учениковъ твердо усвоивать даже церковно-славянскую грамматику, этотъ предметъ для нихъ обыкновенно очень трудный.

И своихъ большихъ успѣховъ въ дѣлѣ преподаванія такого отвѣтственнаго предмета, какъ русскій языкъ съ письменными упражненіями, достигалъ онъ, обыкновенно не возвышая даже голоса въ своемъ классѣ. Благодушный, ровный, спокойный и смолоду, онъ дѣйствовалъ на классъ какимъ-то особымъ, присущимъ ему авторитетомъ. Склонный къ покровительственному какъ бы обхожденію старшаго брата, онъ до послѣднихъ классовъ третировалъ учениковъ какъ ребятъ, но это согрѣтое искренностію и любовью обращеніе только привязывало къ нему его многочисленныхъ питомцевъ.

Осенью 1883 г. Ѳ. Вл. Цвѣтаеву были предложены начальствомъ учебнаго округа два мѣста — инспектора гимназіи въ Вязьмѣ и преподавателя въ двухъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы. По семей-

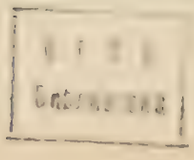
нымъ обстоятельствамъ, онъ принялъ послѣднее назначеніе. Передъ Рождественскими праздниками нашъ товарищескій кружокъ съ грустью проводилъ его на новое мѣсто службы. Многіе изъ насъ разошлись затѣмъ по разнымъ сторонамъ и потому прощаніе съ этимъ хорошимъ товарищемъ и человѣкомъ было для большинства уже послѣднимъ. И оставшіеся въ Орлѣ, и оставившіе этотъ городъ послѣ слышали, что Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ и въ столицѣ пріобрѣлъ себѣ почетное имя и любовь въ средѣ учениковъ, ученицъ и ихъ родителей и товарищей-сослуживцевъ. А какъ велика оказалась эта любовь, это показали и печатныя, до насъ дошедшія, воспоминанія его учениковъ и особо многолюдныя и сердечныя похороны нашего почтеннаго товарища. Иначе и быть не могло: добрый, сердечный человѣкъ, онъ долженъ былъ вызвать лишь добрыя къ себѣ чувства и въ другихъ.

Вѣчная тебѣ память, милый товарищъ отнынѣ уже давнихъ лѣтъ! Спи спокойно въ родномъ твоемъ селѣ—до общаго свиданія.

* * *

Въ слѣдующихъ симпатичныхъ чертахъ представляется Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ, за періодъ орловской его службы, его другимъ бывшимъ сослуживцемъ, В. Ѳ. Ферховымъ, принадлежащимъ тому же учебному заведенію и до сихъ поръ.

Вскорѣ послѣ печальнаго извѣстія о кончинѣ Ѳ. Вл. Цвѣтаева,—пишетъ онъ,—на страницахъ московскихъ газетъ его бывшіе ученики и товарищи начали возстановлять выдающіяся черты характера покойнаго, которыя заставляли всѣхъ знавшихъ его относиться



къ этому почтенному дѣятелю на педагогическомъ поприщѣ и очень доброму человѣку съ глубокимъ уваженіемъ и рѣдкою любовью. Эти печатныя статьи возбудили и во мнѣ воспоминанія о томъ золотомъ періодѣ моей жизни, когда намъ въ Александровскомъ орловскомъ училищѣ пришлось съ покойнымъ дѣлить и радость и горе первоначальной педагогической службы, всегда и у каждаго исполненной юношеской энергіи, горячихъ надеждъ на свои непочатыя силы, но, за отсутствіемъ жизненнаго опыта, и представляющей всегда свои особыя трудности.

Чтобы охарактеризовать дорогого товарища, позволю себѣ указать здѣсь на такія привлекательныя свойства его личности, которыя встаютъ въ моемъ воспоминаніи такъ живо, какъ будто наша общая жизнь, относящаяся къ 70-мъ и началу 80-хъ годовъ, происходила еще на дняхъ.

Въ январѣ 1877 года я впервые вошелъ въ кругъ преподавателей орловскаго реальнаго училища. За исключеніемъ двухъ - трехъ, всѣ они были молодые люди полные силъ, сами недавно покинувшіе университетскую скамью и съ благороднымъ рвеніемъ предававшіеся своему новому дѣлу—воспитанію молодого поколѣнія. Почти всѣ они встрѣтили меня чрезвычайно любезно и радушно—и съ Ѳ. Вл. Цвѣтаевымъ я сошелся сперва не ближе, чѣмъ съ другими товарищами. Лишь нѣсколько времени спустя, когда я увидѣлъ, какъ особо сердечно относился онъ къ ученикамъ, какъ энергично отстаивалъ онъ тѣхъ изъ нихъ, которые въ чемъ-либо провинились, я получилъ возможность ближе проникнуть въ его гуманную душу и послѣ мы сблизились настолько, что и переводъ его въ Москву не могъ разлучить насъ. Жизнь на-

шего друга пресѣклась рано и внезапно и никакъ я не ожидалъ, что мнѣ придется сими строками предавать на общее свѣдѣніе симпатичныя черты его характера, всегда скромнаго и уклончиваго, разъ дѣло касалось его самого.

Сынъ деревни, Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ очень любилъ сельскую природу, отлично понималъ и чувствовалъ поэзію пашенъ, луговъ и лѣсовъ и потому при первой возможности, въ первый свободный день, мы, бывало, отправлялись за-городъ. Оттого всѣ орловскія окрестности, и близкія и болѣе отдаленныя, ему были хорошо извѣстны. Частыя встрѣчи съ жителями деревень и помѣщичьихъ усадебъ съ ихъ тяжелыми трудами, заботами, нуждой и радостями, поддерживали то знаніе сельскаго быта и всѣхъ его отрадныхъ и печальныхъ сторонъ, то знаніе народной жизни, которое такъ отличало покойнаго нашего друга и котораго не затянули въ немъ городская служба, городская обстановка и городскіе интересы. Это близкое знакомство съ родной деревней и родной природой много помогало ему при изученіи и преподаваніи отечественной литературы, которую онъ зналъ и толковалъ отлично.

Въ домашнемъ быту Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ былъ очень скроменъ, простъ и откровененъ. До пріѣзда въ Орелъ его младшаго брата онъ жилъ въ маленькой, но опрятной квартиркѣ, почти на самомъ краю города: хозяйка - мѣщанка готовила ему столъ, а ея отецъ, преклонныхъ лѣтъ, но очень бодрый старикъ, служилъ ему кучеромъ. Пріѣздъ на службу въ нашъ Орелъ его брата представилъ нашего друга съ иной, дотолѣ неизвѣстной, стороны. Онъ оказался примѣрнымъ родственникомъ и семьяниномъ: всѣ хозяйственныя заботы

онъ принялъ на себя: онъ нанялъ лучшую квартиру, заново всю обставилъ ее и такъ наладилъ всю домашнюю жизнь, что при этомъ нѣжномъ уходѣ никакой хозяйственный вопросъ, никакая экономическая забота не касались его любимца.

— „Вѣдь братъ болѣлъ недавно тифомъ, онъ только-что оправился отъ болѣзни; ему нуженъ покой также и для его занятій наукой“, такъ объяснялъ мнѣ Ѳ. Вл. свою чрезвычайную заботливость въ этомъ отношеніи на первыхъ порахъ. Но этотъ нѣжный уходъ и обереганіе своего младшаго брата отъ всякихъ матеріальныхъ интересовъ и хлопотъ продолжались и все послѣдующее время ихъ общей жизни.

Бывши рѣдкимъ братомъ, нашъ почившій товарищъ былъ примѣрнымъ сыномъ. Я былъ свидѣтелемъ того, какъ въ 1878 году обоихъ братьевъ посѣтилъ ихъ отецъ, почтенный сѣдой старецъ-священникъ, съ виду лѣтъ подъ 70. Трогательнѣе того, какъ Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ относился къ своему родителю, я въ жизни не видалъ ничего и никогда не забуду этого. Съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ отношеніе моего покойнаго друга къ его отцу, мнѣ стало казаться, что я мало заботился о моей матери (отца у меня не было съ 9-тилѣтняго возраста), хотя знакомые считали меня хорошимъ сыномъ. Столько вниманія, столько почтенія, столько заботъ, чтобы старцу было хорошо и пріятно, и столько тихой, не бьющей въ глаза нѣжности было въ обращеніи Ѳ. Вл. Цвѣтаева съ дорогимъ гостемъ, что это невольно трогало и меня и другихъ нашихъ товарищей, собиравшихся тогда въ его домѣ. Желаю отъ души, чтобы дѣти покойнаго пошли въ этихъ чувствахъ по стопамъ ихъ отца.

Имѣлъ я много и другихъ случаевъ убѣждаться, какимъ отличнымъ семьяниномъ былъ покойный нашъ товарищъ. Помню, какъ онъ передъ женитьбой на дочери почтеннаго московскаго протоіерея много огорченій и много заботъ испыталъ въ безплодныхъ поискахъ надлежащей квартиры; помню его опасенія съ самаго же начала низвести свою молодую жену въ непривычную ей обстановку сѣренькаго провинціальнаго быта съ невѣдомыми ей до той поры домашними неудобствами. Напрасно я старался развлекать его тогда, наводя на другія, болѣе веселыя мысли, напрасно декламировалъ ему изреченіе Шиллера: „Raum ist in der kleinsten Hütte für ein glücklich liebend Paar".

Вездѣ и во всемъ Ѳ. Вл. думалъ больше о другихъ, чѣмъ о себѣ. Бѣднымъ ученикамъ онъ помогалъ и словомъ и дѣломъ: бесѣдовалъ съ ними, какъ отецъ съ дѣтьми, репетировалъ съ болѣе слабыми уроки, призывая ихъ къ себѣ для того на домъ по вечерамъ и въ праздники; руководилъ ихъ домашнимъ чтеніемъ. Эта постоянная забота о другихъ, благотвореніе и неизмѣнное миролюбіе были у него естественнымъ проявленіемъ его истинно-христіанскаго сердца, постоянно чувствовавшаго силу заповѣди о любви къ ближнему. Оттого-то нѣкоторые изъ его здѣшнихъ учениковъ, съ любовью вспоминавшіе прежде о немъ всякій разъ, когда былъ къ тому поводъ, не могли теперь, на нашихъ глазахъ, встрѣтить извѣстіе о его неожиданной кончинѣ безъ искреннихъ слезъ и безъ благословенія его памяти.

Да и какъ было не любить этого учителя, когда ученики прекрасно знали, что онъ, бывало, горой стоялъ за нихъ, передъ кѣмъ было нужно, и что

они въ лицѣ его находили себѣ защитника и покровителя. А хлопоталъ онъ объ ученикахъ и много, и сильно.

Однажды, помнится мнѣ, ученикъ 2-го класса былъ исключенъ изъ нашего училища за неуспѣшность, при весьма странныхъ обстоятельствахъ. Для перевода въ слѣдующій классъ въ то время нужно было имѣть по главнымъ предметамъ (если не ошибаюсь) полную тройку; у этого же ученика оказалась по математикѣ за 3-ью четверть года отмѣтка 2. Несмотря на то, что преподаватель послѣ экзамена согласенъ былъ передѣлать 2 на 3 или же отмѣтку 3 за послѣднюю четверть года на 4, предсѣдатель совѣта этого не допустилъ, и бѣдный ученикъ былъ удаленъ изъ училища за неуспѣшность. Такое формальное отношеніе къ живому дѣлу воспитанія такъ глубоко возмутило Ѳ. Вл., что онъ тутъ же послѣ совѣта отказался отъ должности секретаря, мотивируя свой отказъ передъ товарищами тѣмъ, что у него рука не подымается писать протоколы, которые идутъ въ совершенный разрѣзъ съ его совѣстью и убѣжденіями.

Такимъ онъ былъ всегда и вездѣ, — прямымъ, откровеннымъ человѣкомъ, безъ заднихъ мыслей, безъ лести передъ начальствующими и безъ высокомѣрія передъ подчиненными.

Въ бесѣдахъ съ нѣкоторыми мнѣ, бывало, случалось слышать сужденія, что у Ѳ. Вл. Цвѣтаева нѣсколько скрытный характеръ, что настоящаго мнѣнія его въ иныхъ вопросахъ было узнать нельзя. Но здѣсь кроется небольшое недоразумѣніе. Наученный горькимъ опытомъ въ первый годъ службы въ шуйской прогимназіи и по природной скромности, выражав-

шейся у него въ постоянной конфузливости, онъ не любилъ высказываться вездѣ и передъ каждымъ, не любилъ и убѣждать другихъ, избѣгая всего показного и бьющаго на видную и руководственную роль. Въ нужную минуту, когда рѣшалось дѣло, онъ высказывалъ свое мнѣніе ясно и безповоротно; но по своему характеру онъ былъ всего менѣе склоненъ къ предварительной пропагандѣ своихъ мыслей между другими, къ составленію для нихъ согласія большинства или партіи.

Человѣкъ, въ служебныхъ отношеніяхъ, больше дѣла, чѣмъ слова, Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ въ товарищескомъ кругу, напротивъ, очень любилъ интимную, откровенную бесѣду. Тутъ онъ былъ простъ и прямодушенъ, какъ и въ своей дружеской перепискѣ, къ которой впослѣдствіи прибѣгалъ онъ, чтобы отдыхать отъ трудовъ особо тяжелой доли учителя русскаго языка. Въ числѣ его корреспондентовъ былъ и пишущій эти строки. Тутъ вставалъ онъ предо мною со всѣми ему присущими лучшими свойствами — съ его искренней религіозностью, его любовью къ семьѣ, благожелательствомъ къ ближнему, съ его любовью къ природѣ, къ животнымъ и цвѣтамъ и съ непремѣнными заботами и рѣчами о его ученикахъ и ученицахъ. Писемъ безъ „мальчугановъ и дѣвицъ", которыхъ у него въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы было много, въ послѣдніе годы онъ и написать не могъ. Эти рѣчи у него являлись постояннымъ припѣвомъ къ другимъ матеріямъ его откровенной дружеской бесѣды.

А потому мнѣ болѣе, чѣмъ кому нибудь изъ постороннихъ, понятно, что такой горячей любовью платятъ Ѳ. Вл. Цвѣтаеву его московскіе ученики и уче-

ницы, питая къ нему тѣ же наилучшія чувства, которыя онъ оставилъ по себѣ въ орловскихъ своихъ питомцахъ.

Прощай, честный труженикъ, горячій другъ дѣтей и другъ людей! Да будетъ тебѣ вѣчная память между всѣми знавшими тебя ближе!

III.

Дѣятельность Ѳ. Вл. Цвѣтаева въ Москвѣ.—Изъ воспоминаній Г. Г. Писаревскаго.

Съ января 1884 г. началась педагогическая служба Ѳ. Вл. Цвѣтаева въ Москвѣ и притомъ сразу въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ,—въ 6-ой мужской гимназіи и въ Усачевско-Чернявскомъ женскомъ училищѣ. Учебное начальство, ввѣряя ему здѣсь и тамъ преподаваніе русскаго языка и словесности, тѣмъ самымъ признавало его доказанныя заслуги и опытность на учебномъ поприщѣ и обставляло его въ матеріальномъ отношеніи лучше другихъ.

Съ удвоенной энергіей и какъ бы съ обновленными силами онъ принялся за знакомое ему дѣло въ новомъ городѣ и въ новой обстановкѣ. Принесши съ собой изъ провинціи лучшія свойства своей души,—серьезное отношеніе къ обязанностямъ, высокое воззрѣніе на задачи школы, прямой и открытый характеръ въ сношеніяхъ съ другими и присущую ему горячую любовь, хотя и не выражавшуюся въ особенныхъ, экспансивныхъ формахъ, къ ученической молодежи, Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ скоро былъ понятъ и признанъ и въ столичной школѣ. Хорошіе отзывы о его преподаваніи и отличномъ педагогическомъ тактѣ въ отношеніяхъ къ ученикамъ, ученицамъ и ихъ роднымъ понеслись по Москвѣ уже къ концу перваго года его службы.

Ниже помѣщенныя горячія строки, напечатанныя вскорѣ послѣ погребенія Ѳ. Вл. Цвѣтаева кн. Б. А. Щетининымъ, всего ярче говорятъ намъ, чѣмъ сталъ покойный педагогъ для своихъ учениковъ на первыхъ же порахъ своей московской дѣятельности. Скоро пріобрѣлъ онъ и наилучшія чувства своихъ товарищей, чѣмъ онъ особенно дорожилъ всю жизнь.

Но усиленная дѣятельность въ двухъ отдаленныхъ другъ отъ друга учебныхъ заведеніяхъ дала себя чувствовать многими неудобствами. Поселившись, по семейнымъ обстоятельствамъ, на Тверской, близъ Глазной больницы, онъ вынужденъ былъ непроизводительно тратить очень много времени и силъ на ежедневные переѣзды за Москву-рѣку, оттуда на Дѣвичье поле и обратно домой. Эти спѣшныя переправы поѣдали у него значительную долю заработковъ, такъ что плата за преподаваніе въ Чернявскомъ училищѣ вся цѣликомъ уходила на извозчиковъ. Когда не помогло дѣлу содержаніе собственной лошади, приведенной имъ изъ Орла, пришлось ему для сокращенія переѣздовъ помѣститься за Москвой-рѣкой, подлѣ гимназіи.

Доброе имя Ѳ. Вл. Цвѣтаева въ преподавательскомъ мірѣ Москвы послужило въ 1887 г. основаніемъ для попечителя московскихъ женскихъ гимназій почетнаго опекуна В. А. Дашкова ввѣрить ему должность инспектора 2-ой женской гимназіи, на Новой Басманной, при чемъ онъ былъ оставленъ штатнымъ преподавателемъ и въ мужской гимназіи. И покойный В. А. Дашковъ много разъ какъ своему избраннику, такъ и другимъ выражалъ удовольствіе по поводу этого назначенія, говоря, что гимназія находится въ вѣрныхъ рукахъ, что ему всегда пріятно бывать въ ней и пр.

Съ своей стороны и Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ до конца

жизни хранилъ благодарное чувство къ этому особо-гуманному начальнику, обладавшему какимъ-то, ему свойственнымъ, секретомъ всегда подымавшей ласки и неизмѣннаго ободренія въ сношеніяхъ со своими подчиненными, безъ различія ихъ служебныхъ ранговъ, характеровъ и возрастовъ. Оттого посѣщенія В. А. Дашковымъ подвѣдомственныхъ ему учрежденій было событіемъ, всегда возвышавшимъ энергію какъ для начальства, такъ для преподавательскаго персонала и учениць. Постоянно ласковый, благодушный, изысканно деликатный въ бесѣдѣ со всякимъ, этотъ вѣрный хранитель наилучшихъ пріемовъ начальственнаго обращенія каждый разъ оставлялъ по себѣ и въ 2-ой гимназіи живое, бодрящее впечатлѣніе.

Неизмѣнно отличныя свойства характера Ѳ. Вл. Цвѣтаева скоро пріобрѣли ему общія симпатіи и той новой среды, гдѣ онъ былъ не только преподавателемъ, но и начальникомъ. Сердечная доброта, уваженіе правъ личности въ каждомъ, съ кѣмъ новый кругъ обязанностей теперь ставилъ его въ непосредственное соприкосновеніе, будь это преподаватели, преподавательницы, ученицы, ихъ родители и даже гимназическая прислуга, и неослабныя заботы его о всѣхъ, какимъ-либо образомъ нуждавшихся въ его помощи и содѣйствіи, создали ему то нравственно-высокое положеніе, которое сохранилъ онъ тамъ до конца своихъ дней.

И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ сильнѣе роднился онъ со своей женской гимназіей. Радости его учениць были и его личными радостями, ихъ печаль и нужда были его истиннымъ горемъ и сердечной заботой. Какъ много хлопоталъ онъ о матеріальной помощи бѣднѣйшимъ воспитанницамъ; сколько заботъ и хло-

нотъ доставляло ему бывало устройство благотворительныхъ вечеровъ и концертовъ, и сколько радости приносили ему матеріальные успѣхи ихъ, дававшіе послѣ возможность облегчить чужое горе, помочь нуждѣ ввѣреннаго ему молодого поколѣнія! Его обыкновенно медленная въ движеніяхъ фигура тогда быстро переносилась изъ одного административнаго учрежденія Москвы въ другое и по квартирамъ артистовъ—пѣвцовъ, музыкантовъ, декламаторовъ, разсѣяннымъ по всему обширному городу.

Но годы шли, а съ ними начали убывать силы и покрылась серебромъ большая голова педагога, беззавѣтно служившаго своему долгу. Отъ долговременнаго чтенія ученическихъ задачъ, которыхъ изъ двухъ учебныхъ заведеній у него было всегда чрезмѣрно много, раньше времени стали слабѣть его большіе и красивые глаза. Эта потеря прежней остроты зрѣнія для учителя - словесника, который такъ много усилій полагалъ на то, чтобы научить своихъ питомицъ и питомцевъ изложенію мыслей не только правильному, но, по возможности, и изящному, и который прежде имѣлъ основаніе радоваться своимъ признаннымъ успѣхамъ въ этомъ отношеніи, принесла Ѳ. Вл. Цвѣтаеву много опасеній и горя. Онъ съ грустью видѣлъ, что чтеніе письменныхъ работъ въ прежнемъ количествѣ для него становится дѣломъ, физически все болѣе и болѣе труднымъ. И это очень сильно огорчало его, жившаго исключительно школьными интересами.

Другимъ источникомъ его грусти и заботъ являлась трудность совмѣщенія занятій въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно въ весеннее время, въ теченіе репети-

цій и экзаменовъ. Апрѣль и май постоянно приносили ему въ этомъ отношеніи истинныя душевныя муки. По званію инспектора, онъ долженъ былъ производить экзамены на Новой Басманной въ такое время, когда въ 6-ой гимназіи, за Москвой-рѣкой, шли у него или уроки, или репетиціи, или ассистентства на испытаніяхъ. А семейныя обстоятельства и дороговизна столичной жизни заставляли его, подобно другимъ нашимъ педагогамъ, давать уроковъ возможно больше, чтобы только сводить концы съ концами и не знать несчастія долговъ....

Оттого онъ сталъ подумывать хотя бы о сокращеніи разстоянія между двумя гимназіями, которое все болѣе и болѣе его тяготило, особенно въ дурныя, непогожія времена года. Какъ ни жаль было ему товарищеской среды 6-ой мужской гимназіи, съ которой онъ такъ близко сжился; но подъ давленіемъ необходимости онъ началъ подумывать о переходѣ или во 2-ю гимназію, находящуюся на Разгуляѣ, въ сосѣдствѣ съ Новой Басманной, или въ 4-ю гимназію, на Покровкѣ. Однако эти помышленія и мечты объ избавленіи себя отъ тяжелыхъ и дальнихъ переѣздовъ такъ и остались мечтами, за отсутствіемъ подходившей комбинаціи.

Исполнялись 20 — 22 года училищной службы Ѳ. Вл. Цвѣтаева — и онъ, оставивши мечту о перемѣнѣ гимназіи, сталъ теперь серіозно думать о сосредоточеніи своей дѣятельности лишь въ одномъ учебномъ заведеніи. „Какъ бы тамъ ни разсуждали — говаривалъ онъ—а служить всей душой можно только одной школѣ, а не двумъ, не тремъ, какъ это по нуждѣ бываетъ съ нашимъ братомъ - учителемъ столицъ и большихъ городовъ. Одному заведенію и отдаешься

весь, сроднясь съ нимъ, безъ дѣлежа своихъ силъ, своего времени и сердечныхъ привязанностей. Какъ я буду счастливъ, когда, выслуживши пенсію, я получу возможность ограничиться только женской гимназіей! А то я и самъ вижу, что мои занятія со старшими гимназистами уже не прежнія. Я люблю получать отъ нихъ большія сочиненія, зная, что, давая въ этомъ отношеніи просторъ начинающему авторству, способствуешь этимъ и развитію полета мыслей, и выработкѣ слога. А мои глаза уже слабы, чтобы внимательно читать ихъ. Нѣтъ, пора отдать ребятъ въ другія, болѣе молодыя, руки...“

Сознаніе, что прежнихъ силъ для веденія дѣла въ мужской гимназіи болѣе уже не хватаетъ, было въ немъ настолько велико, что послѣ 22-хъ лѣтъ службы, онъ рѣшилъ было ограничиться полученіемъ половинной пенсіи, т.-е. 350 съ чѣмъ-то руб. въ годъ,— и только убѣжденія друзей и родныхъ остановили его отъ этого шага. Но уступивъ имъ въ этомъ вопросѣ, онъ не переставалъ тяготиться и внутреннимъ раздвоеніемъ, и сложностію обязанностей, и дальностію разстоянія между мѣстами его дѣятельности. Необходимость перескакивать длинный конецъ отъ Новой Басманной за Большой Каменный мостъ въ опредѣленное число минутъ и особенно въ дурную погоду, въ послѣдніе годы была для него истиннымъ несчастіемъ. Спокойный и ровный во всемъ, онъ тяготился этимъ нервнымъ напряженіемъ, этой постоянной боязнью „опоздать на урокъ“, по недостатку ли времени или по безсилію первой попавшейся клячи.

Эта боязнь опоздать, эта постоянная внутренняя лихорадка были у Ѳ. Вл. Цвѣтаева конечно до-

лею общей съ большинствомъ московскихъ педагоговъ, нервно, возбужденно, нетерпѣливо и неудовлетворенно снующихъ по обширному городу изъ одной школы въ другую и часто лишь на извозчикѣ, словно украдкой, совершающихъ свой завтракъ... Въ этой тяжкой долѣ подневольныхъ переходовъ и переѣздовъ является единственнымъ развлеченіемъ и утѣшеніемъ въ такомъ-то мѣстѣ, на такомъ-то углу, на такомъ-то перекресткѣ непремѣнная встрѣча съ товарищемъ или пріятелемъ, также спѣшно дѣлающимъ свой перегонъ до другой школы. „Вотъ тутъ, думаетъ переѣзжающій учитель, я непремѣнно встрѣчусь нынѣ съ Петромъ Ильичемъ, а тамъ непремѣнно наткнусь на Ивана Ивановича, если только они не заболѣли“. И такъ идетъ у многихъ изъ нихъ жизнь безъ перемѣнъ многіе годы, пока не подкосятся силы и добрые люди не снесутъ, чаще преждевременно, на мѣсто послѣдняго покоя...

Но тяготился Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ этимъ, какъ называлъ онъ, раздвоеніемъ и недостачею силъ вести дѣло съ прежней энергіей не потому, что успѣхи его учениковъ въ послѣднее время по его предмету дѣйствительно становились слабѣе. Этого не замѣчали ни его товарищи, ни начальство, ни ученики, ни ихъ родители. Его абитуріенты, для которыхъ онъ работалъ и въ классѣ и дома попрежнему много, какъ и бывало выходили одними изъ лучшихъ — и онъ весною обыкновенно имѣлъ утѣшеніе сознанія, что „его ученики написали послѣднее сочиненіе хорошо и отвѣчали по русской литературѣ всѣ удовлетворительно и всѣ окончили курсъ“.

Успѣхи учениковъ и счастливое окончаніе ими гимназическаго курса и ихъ понятная по этому случаю радость были его счастьемъ, его радостью. Оттого-то

оканчивающая гимназіи молодежь и окружала его, даже и по выходѣ изъ заведенія, такимъ почтеніемъ и такою любовью. Пилигримства окончившихъ гимназическій курсъ на квартиру Ѳ. Вл. Цвѣтаева, по окончаніи экзаменовъ или осенью, съ поступленіемъ въ высшія учебныя заведенія Москвы, для засвидѣтельствованія ему наилучшихъ чувствъ сдѣлались ежегоднымъ, какъ бы традиціоннымъ явленіемъ. Чрезъ его руководство проходили не рѣдко дѣти однихъ и тѣхъ же семействъ и каждый братъ, въ свой чередъ, участвовалъ въ этомъ добровольномъ походѣ своего выпуска на поклонъ къ „Ѳедору Владиміровичу", (такъ ученики звали его и заочно) бывавшій, когда это происходило въ маѣ или началѣ іюня, для многихъ его учениковъ и послѣднимъ свиданіемъ съ нимъ.

А какой трогательной любовью, какими сердечными выраженіями признательности окружена была мощная фигура этого инспектора на торжественныхъ выпускныхъ актахъ 2-ой женской гимназіи, это хорошо знаютъ преподаватели, питомицы и родные послѣднихъ. Его сердечныя, но по формѣ простыя, напутственныя рѣчи, которыми онъ ежегодно прощался съ выходящими воспитанницами, неизмѣнно каждый разъ рождали слезы у жадно внимавшей ему аудиторіи.

Гдѣ теперь эти трогательныя прощальныя бесѣды, которыя бывало производили такое сильное впечатлѣніе? Покойный ихъ обыкновенно писалъ, но не хранилъ потомъ, не придавая имъ иного значенія, кромѣ того, какое онѣ имѣли въ его школьной дѣятельности.

Велика была нравственная сила Ѳ. Вл. Цвѣтаева среди воспитанниковъ и воспитанницъ учебныхъ заведеній, которымъ онъ принадлежалъ. Большими то-

варищескими симпатіями пользовался онъ и среди своихъ сослуживцевъ; ни съ кѣмъ изъ нихъ онъ за всю свою жизнь не имѣлъ и слабой тѣни не только ссоръ или вражды, но и какихъ-либо недоразумѣній. Любимый и уважаемый товарищами въ с.-петербургскомъ университетѣ, въ Шуѣ, въ Орлѣ, онъ пользовался тѣми же чувствами и здѣсь. Товарищи уговорили его не покидать 6-ю мужскую гимназію ранѣе выслуги 25-лѣтняго срока; они же почтили его, въ минувшемъ году, и задушевной прощальной трапезой,—когда этотъ терминъ пришелъ для него и онъ окончательно рѣшилъ разстаться съ этимъ учебнымъ заведеніемъ и дорогой ему средой, гдѣ работалъ онъ въ званіи учителя, секретаря педагогическаго совѣта и класснаго наставника въ теченіе 16 лѣтъ. Много хорошихъ рѣчей, много сердечныхъ пожеланій пришлось ему выслушать на этой прощальной бесѣдѣ. И этимъ хорошимъ рѣчамъ, и этимъ товарищескимъ желаніямъ онъ глубоко вѣрилъ и дорожилъ ими.

Едва окончилось это дружное чествованіе, какъ живая волна добрыхъ чувствъ въ отношеніи его охватила весь педагогическій персоналъ и 2-ой женской гимназіи. Скромный и уклончивый, Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ былъ очень смущенъ этимъ подъемомъ и принималъ всѣ доступныя ему мѣры остановить этотъ общій порывъ, увлекшій и мужскую и женскую половины подчиненнаго ему преподавательскаго персонала. Его глубоко безпокоила мысль, не чествуютъ ли его въ данномъ случаѣ только, какъ начальника заведенія, и не введетъ ли это въ тягостные расходы особенно бѣдныхъ учительницъ и воспитательницъ, скудные заработки которыхъ составляли для него всегда предметъ грустныхъ размышленій. Въ своей заботѣ и опасеніяхъ при-

ходилъ онъ за совѣтомъ, какъ бы остановить эти приготовленія, и къ намъ.

Но остановить ихъ ему не пришлось. И старшіе и младшіе члены коллегіи собрались противъ его воли для его чествованія и воздали ему столько похвалъ за сердечное къ нимъ отношеніе, что этого момента онъ не могъ потомъ вспомнить, на нашихъ глазахъ, безъ глубокаго волненія и какой-то особенной конфузливости. Указывая на большой и изящный серебряный бюваръ со вложеннымъ въ него горячимъ адресомъ сослуживцевъ, онъ говорилъ съ добродушной и опять конфузливой улыбкой: „это они мнѣ аттестатъ прописали, только уже черезчуръ хорошій: пожалуй, какъ пойду проситься на другое мѣсто, ему и не повѣрятъ“...

Этотъ яркій документъ товарищескихъ чувствъ былъ составленъ въ нижеслѣдующихъ выраженіяхъ.

„Глубокоуважаемый Ѳеодоръ Владиміровичъ. Вы недавно справляли двадцатипятилѣтній юбилей вашей педагогической дѣятельности.

Четверть вѣка работали вы на томъ поприщѣ, гдѣ приходится расточать такъ много безкорыстнаго труда, испытывать такъ часто тяжелыя огорченія. Четверть вѣка, не покладая рукъ и не думая объ отдыхѣ, воспитывали вы одно за другимъ молодыя подростающія поколѣнія. Такую жизнь прожить не—„поле перейти“. Такой подвигъ могутъ оцѣнить по достоинству лишь тѣ, кто—выражаясь словами поэта—„сражались подъ одними знаменами“.

Мы, ваши товарищи по 2-ой женской гимназіи, искренно порадовались тому, что ваша долголѣтняя педагогическая дѣятельность нашла надлежащую оцѣнку и всѣмъ сердцемъ откликнулись на ваше торжество!

Но не столько вашъ учительскій юбилей, связанный съ другимъ учебнымъ заведеніемъ, мы вспоминаемъ теперь. Мы привѣтствуемъ въ васъ, глубокоуважаемый Ѳеодоръ Владиміровичъ, человѣка, который, будучи нашимъ инспекторомъ и слѣдовательно ближайшимъ начальникомъ нашимъ, являлся всегда нашимъ добрымъ товарищемъ и съ рѣдкой отзывчивостью и сердечностью входилъ въ положеніе всѣхъ насъ, всегда заботясь притомъ объединить насъ въ одну тѣсную семью для блага дорогой намъ гимназіи.

Мы чествуемъ въ васъ, другими словами, тотъ животворный принципъ, который всё глубже проникаетъ въ современную жизнь, разчищая почву для свѣтлаго будущаго, принципъ товарищескаго единенія и товарищескаго довѣрія, какъ вѣрный залогъ успѣшнаго веденія общаго дѣла.

Примите же, глубокоуважаемый Ѳеодоръ Владиміровичъ, нашу искреннюю благодарность и наши сердечныя пожеланія дальнѣйшей плодотворной дѣятельности на вашемъ трудномъ, но почетномъ поприщѣ, гдѣ вы достигли первой крупной станціи!“ (Слѣдуетъ 43 подписи съ именемъ главной надзирательницы Н. А. Бауеръ во главѣ женскаго педагогическаго персонала учрежденія, и съ именемъ о. протоіерея А. Г. Полотебнова въ челѣ преподавателей).

Но ни о какомъ иномъ мѣстѣ Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ и не мечталъ; всѣ свои силы, весь остатокъ лѣтъ онъ разсчитывалъ посвятить своей гимназіи, гдѣ учились въ послѣдніе годы и его собственныя дѣти. Пользуясь наилучшимъ отношеніемъ къ нему попечителя московскихъ женскихъ гимназій почетнаго опекуна В. С. Арсеньева и начальника ихъ Н. П. Шрамченко; окруженный любовью педагогической среды,

сознавая себя роднымъ и близкимъ въ кругу учениць и освободившись, наконецъ, отъ необходимости „раздвоенія“, онъ послѣдній годъ чувствовалъ себя счастливымъ и спокойнымъ. Лишь нѣкоторая глухота, полученная имъ отъ простуды во время многолѣтнихъ неизмѣнныхъ переѣздовъ черезъ Москву—рѣку, зимою, да болѣзнь ноги, съ прошлаго года, составляла для него предметъ опасенія за будущее.

Но Высшей силой дни этого будущаго уже были сочтены. Сердце, такъ много любившее и такъ много служившее нуждѣ другихъ, перестало биться раньше времени. Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ скончался въ ночь на 12 февраля сего года неожиданно для всѣхъ его знавшихъ, отъ крупознаго воспаленія легкихъ, осложненнаго слабостью сердца, проболѣвши всего три дня. Неожиданная болѣзнь застала его среди заботъ объ ученицахъ, объ ихъ экзаменахъ, и среди усиленныхъ исканій возможности облегчить ихъ юнымъ труженицамъ.

Обозрѣвая жизнь этого скромнаго, но выдающагося педагога, нельзя не увидѣть въ ней многихъ чертъ общихъ характеру лучшихъ дѣятелей нашего учительскаго сословія, этихъ почтенныхъ и симпатичныхъ, хотя и очень, очень мало цѣнимыхъ тружениковъ нашей школьной нивы. Въ общемъ тяжела ихъ доля своей матеріальной необезпеченностію, вытекающей отсюда чрезмѣрной, часто непосильной, массою труда и своею почти полною безвѣстностью въ обычномъ теченіи нашего соціальнаго строя...

Но на этомъ общемъ грустномъ фонѣ учительскаго быта для отдѣльныхъ избранниковъ иногда выпадаетъ счастіе такого публичнаго признанія ихъ лучшихъ свойствъ и великихъ заслугъ передъ родиной, какое

рѣдко достается и людямъ высокой общественной среды. Такимъ рѣдкимъ избранникомъ былъ и Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ, котораго почтили не только при жизни, но и по его кончинѣ выраженіемъ наилучшихъ хваленій и наилучшей славой, какія только возможны на землѣ.

Далѣе слѣдующія надгробныя рѣчи и воспоминанія его духовнаго отца, его здѣшнихъ товарищей-сослуживцевъ и учениковъ всенародно свидѣтельствуютъ, что Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ былъ для своей среды „отцомъ, старшимъ братомъ, вѣрнымъ другомъ и постояннымъ, неустаннымъ помощникомъ чужой печали, чужой нужды, чужой бѣды".

Это говорилось и писалось публично, во всеобщее свѣдѣніе, высокоуважаемымъ въ широкомъ кругу образованнаго міра по всей Россіи лицомъ духовнаго сана, гимназическими преподавателями, студентами, людьми литературы, науки, университетской каѳедры и пр.

Какія же иныя публичныя манифестаціи могутъ быть выше, ярче и авторитетнѣе этихъ столь изящныхъ и столь задушевныхъ рѣчей? Онѣ, вмѣстѣ съ воспоминаніями, напечатанными выше, являются истиннымъ лавровымъ вѣнкомъ, такъ единодушно и сердечно поднесеннымъ памяти безвременно почившаго педагога-энтузіаста.

II.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО, РѢЧИ И ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

СЛОВО

предъ отпѣваніемъ инспектора и учителя 2-й Московск. женской гимназіи, бывшаго наставника 6-й мужск. гимназіи Ѳеодора Владиміровича Цвѣтаева († 1901 г. 12 февраля), произнесенное законоучителемъ гимназіи, протоіереемъ А. Г. Полотебновымъ (14 февраля).

„О, чудесе! что сіе, еже о насъ бысть
„Таинство? како предахомся тлѣнію?
„Како сопрягохомся смерти?—Воистину
„Бога повелѣніемъ, якоже писано есть,
„Подающаго представльшемуся упокоенія (Погреб. стих.).

Воистину великое таинство смерти совершилось среди насъ! Вотъ уже третій день со времени поразившаго насъ всѣхъ удара, — вотъ наступаютъ уже минуты прощанія съ неожиданнымъ для насъ дорогимъ гробомъ; а мы все еще съ изумленными лицами обращаемся другъ къ другу, восклицаніями вопрошая о совершившейся тайнѣ и какъ бы выжидая одинъ отъ другого рѣшенія внезапно смутившаго сердца наши вопроса: „что сіе, еже о насъ бысть таинство?..— Только еще прошлый вторникъ почившій былъ среди насъ—полный энергіи и силы въ веденіи нашего педагогическаго дѣла, озабоченный вопросомъ объ экзаме-

нахъ. А въ среду онъ ѣздилъ хлопотать о возможномъ облегченіи для воспитанницъ приготовленія къ экзаменамъ. Потомъ прошло только три дня и — въ утро прощальнаго воскресенія я уже напутствовалъ его Святыми Тайнами въ жизнь загробную...

При гробѣ, при видѣ смерти, нельзя не скорбѣть, нельзя не плакать,—и Спаситель плакалъ (Іоан. 11. 35). Никогда не привыкнетъ человѣкъ къ страшному зрѣлищу смерти, никогда не будетъ онъ равнодушно смотрѣть на гробъ, кто бы ни лежалъ въ немъ. Притомъ зрѣлище смерти и гроба невольно вызываетъ въ насъ мысль о нашей смерти—о нашемъ ожидающемъ насъ гробѣ, и — трепетомъ объемлется сердце наше! *О смерте, коль горька память твоя!* восклицаетъ премудрый Сирахъ (41, 1). Но особенно горька, особенно тяжела и страшна для насъ, живыхъ, смерть, совершенно неожиданно похищающая среди насъ близкаго намъ: особенно при видѣ этой именно смерти волнуютъ всѣхъ и смущаютъ невольно возникающіе вопросы, по словамъ погребальной пѣсни: „что сіе, еже о насъ бысть таинство? како предахомся тлѣнію? како сопрягохомся смерти?..“

Но вслушаемся и въ отвѣтъ церковный сей пѣсни.— „Воистину Бога повелѣніемъ, якоже писано есть, подающаго представльшемуся упокоеніе“. То-есть: преклонитесь передъ волею Всемудраго и Всеблагого Божія Промышленія!—Вышло повелѣніе отъ Бога, и Ангелъ смерти взялъ почившаго отъ насъ. Иначе: Если бы мы не знали и не вѣрили, что судьбами нашими управляетъ Всеблагой Промыслитель и Отецъ любвеобильный—Господь Богъ, что Онъ все дѣлаетъ для блага нашего, — мы не могли бы находить себѣ утѣшенія при потеряхъ, подобныхъ оплакиваемой на-

ми... Укрѣпимся же въ мысли, что взялъ у насъ дорогого почившаго Богъ любвеобильный и да не дерзнемъ сомнѣваться въ томъ, что въ семъ совершилось таинство любви божественной и—любви прежде всего къ почившему... Судьбы Божія непостижимы для насъ, но они всегда благи! Мы — христіане, по Апостолу, *ходимъ вѣрою, а не видѣніемъ* (2 Кор. 5, 7), и потому многое непостижимое здѣсь должно быть существенною принадлежностію религіи нашей: чтобы вѣра наша была истиннымъ подвигомъ, достойнымъ вѣчной награды. Тамъ — всѣ тайны жизни и смерти будутъ раскрываться передъ нами; — и только тамъ войдемъ мы въ блаженную область вѣдѣнія всего, — „якоже писано есть". Не будемъ же скорбѣть безутѣшно при этомъ гробѣ, какъ язычники, не имѣющіе вѣры и упованія (Сол. 4, 13).

Притомъ еще несомнѣннымъ утѣшеніемъ для насъ должно служить то, что дорогой нашъ почившій былъ поистинѣ, какъ и всѣ говорятъ, достойный, рѣдкій человѣкъ. — Воспоминанія о такихъ высокихъ душою личностяхъ—утѣшительныя воспоминанія: они услаждаютъ страшную горечь потери ихъ.

Основательное образованіе, прошедшее чрезъ духовную и свѣтскую школы и безпрерывно подновляемое, въ немъ гармонически соединялось съ теплотою добраго и любящаго сердца; глубокую опытность своихъ лѣтъ онъ умѣлъ соединять съ живою воспріимчивостію ко всему доброму въ сферѣ науки и жизни. Всегда скромный въ желаніяхъ, неизмѣнный въ простой обстановкѣ жизни, онъ умѣлъ сохранять чувство чести и достоинства, и внушалъ невольное расположеніе къ себѣ всѣхъ, кто такъ или иначе съ нимъ соприкасался. Товарищи и сослуживцы видѣли его все-

гда прямымъ, искреннимъ, доброжелательнымъ, сердечнымъ; родственники и знакомые—ближніе и дальніе, равно какъ и всѣ обращавшіеся къ нему по дѣламъ — всегда ласковымъ, внимательнымъ и въ нуждахъ готовымъ на всякую помощь, какъ бы ни было тяжело ему это и сколькихъ бы хлопотъ ни стоило. Любящій и нѣжный мужъ, онъ былъ рѣдкимъ попечительнѣйшимъ отцомъ своихъ дѣтей. Но самое дорогое въ немъ—это вѣра его и его высокое религіозное чувство, что особенно извѣстно мнѣ, какъ давно близкому къ нему и какъ духовнику его.—Это былъ глубоко вѣрующій христіанинъ. Вѣра была напечатлѣна въ его сердцѣ отъ колыбельныхъ пеленъ, утверждена добрымъ воспитаніемъ и тщательно сберегалась среди искушеній и напастей, какъ величайшее сокровище жизни. Вѣра давала ему высшія побужденія къ достойному прохожденію служенія его, вѣра дарила его силами и энергіею, вѣра управляла всѣми отношеніями его къ людямъ. Когда путь жизни его облегался мракомъ, вѣра была ему спасительнымъ свѣтильникомъ; въ вѣрѣ находилъ онъ опору среди бурь житейскихъ. — По вѣрѣ почившаго, Господь для Своихъ высшихъ цѣлей иногда попускалъ ему проходить сквозь огнь скорбей и тяжкихъ болѣзней, какъ это было въ прошломъ году. Другой поникъ бы, потерялся бы подъ тяжестію постигшей бѣды, а онъ всегда былъ твердъ и помнилъ, что это — Божіе посѣщеніе, и — послѣ благодарилъ Господа. И послѣднее дѣло его въ гимназіи было явнымъ выраженіемъ его глубокаго религіознаго чувства, это—заботливое устроеніе того, чтобы воспитанницы наши, согласно установившемуся у насъ преданію, начали выпускные экзамены свои Закономъ Божіимъ, съ Архипастырскаго

святительскаго благословенія. Неизгладимо глубокое впечатлѣніе произвела на меня его предсмертная исповѣдь, полная свѣтлой вѣры и преданности Промыслу Божію, а также его благодатно-радостное, трепетно-благоговѣйное принятіе Святыхъ Тайнъ... О, какъ почтенъ гробъ, надъ которымъ можно сказать все это, не боясь, что упрекнутъ тебя въ увлеченіи, и сознавая, что сказалъ слишкомъ мало и недостаточно для оцѣнки человѣка поистинѣ прекраснаго!..

Но я еще не исполнилъ бы долга своего, если бы не указалъ на трудъ жизни дорогого намъ почившаго—педагогическій. Не мнѣ цѣнить заслуги его, какъ педагога, но прямое дѣло каѳедры церковной при гробѣ мужа, много лѣтъ бывшаго учителемъ и послѣднее время руководителемъ учебнаго и воспитательнаго дѣла, притомъ же при такомъ торжественномъ молитвенномъ собраніи учительскаго и воспитательнаго персонала,—дѣло церковной каѳедры поучительно освѣтить извѣстными мнѣ высокими взглядами почившаго труженика на святыя задачи общей братской учебно-воспитательной работы нашей, — оживить въ сердцахъ преданныхъ ей представленіе о томъ благѣ святого дѣла наученія и воспитанія юныхъ, которое матерински благословляетъ Церковь и которымъ проникнута была душа сего истаго христіанина-педагога.

Вотъ въ воображеніи нашемъ сонмъ тружениковъ и труженицъ на поприщѣ наученія и воспитанія. — Съ юности отличенные особенными дарованіями и успѣхами въ школѣ, они извлекаемы были къ изученію высшихъ спеціальныхъ предметовъ, и, получивъ высшее образованіе, робкими стопами вступали на многотрудное и многоотвѣтственное поприще учительства и воспитанія. И вотъ началась эта не видная,

но дивная духовная работа!—Пережить съ учащимися, перечувствовать, вѣрнѣе—перестрадать эпоху ихъ духовнаго возрастанія,—взять ребенка на руки, пробудить и развить скрытыя въ немъ духовныя силы, возвести его на гору, поставить его тамъ, и—опять спускаться внизъ, какъ бы вглубь земли, для извлеченія новаго золота.—Сколько труда, сколько терпѣнія, бодрости, любви и самоотверженія въ этомъ по истинѣ святомъ служеніи!.. Вотъ оперенные птенцы уже полетѣли, иные вознеслись далеко и сѣли надъ головой своего учителя, иные роскошествуютъ на пирѣ жизни: а наставники? — Наставникъ, возбудитель ихъ силъ духовныхъ, какъ бы творецъ ихъ жизни духовной, — на той же утомительной поденной работѣ... (Въ древности языческой, при всемъ ея научномъ блескѣ не дошедшей до пониманія высшихъ цѣлей воспитанія, дѣло наставничества, какъ тяжкій трудъ, считали даже долей рабовъ). Бываетъ и печальный конецъ: силы труженика ослабѣваютъ, елей для горѣнія изсякаетъ и преслѣдуетъ горькое чувство, что ты уже болѣе не нуженъ,—является *крушеніе духа,* затѣмъ—старость многотрудная, съ болѣзнями ея, потомъ могила, можетъ быть затерявшаяся среди множества другихъ, а далѣе—забвеніе... Нѣтъ. *Слово есть сѣмя!*—Добрѣ посѣянное никогда не пропадетъ оно,—Господь не дастъ заглохнуть ему: оно возрастетъ и принесетъ плодъ свой! И сама по себѣ доля ученыхъ—не жалкая участь, хотя бы и бывали временныя смущенія и тяжкія искушенія. Наука не капиталы мертвые собираетъ, а сама обогащаетъ всегда умы и сердца безцѣннымъ сокровищемъ знаній и чувствъ высокихъ, *ихъ же,* согласно словамъ Спасителя, *не видятъ сыны вѣка сего,* хотя и кажутся въ мірѣ счастливѣе *сыновъ*

свѣта. И руководители мыслей и чувствъ подрастающаго поколѣнія всегда живутъ истинною жизнію разумно-духовнаго существа, невѣдомою изжившимъ силы человѣческія хлопотливымъ низменнымъ *сынамъ вѣка сего.* (Ср. Лук. 16, 8). Дѣятельность педагоговъ обыкновенно не блеститъ въ мірѣ, но за то сама по себѣ имѣетъ свою награду, всегда одаряя высшими наслажденіями. — Въ тиши кабинета, среди книгъ — сокровищъ мудрости, труженикъ науки постоянно назидается, крѣпнетъ, возвышается духомъ, и каждый день прибавляетъ все новое и новое къ своему духовному богатству. Предъ его взоромъ раскрываются все шире и шире области бытія; блаженство *видѣнія* овладѣваетъ имъ, и—всѣ другіе интересы, увлекающіе людей обыкновенныхъ, — низменны для него. По истинѣ „человѣкъ на столько живетъ, на сколько умѣетъ понимать и сознавать жизнь, а человѣкъ широко образованный живетъ вдесятеро противъ другихъ". Преимущественно же счастливъ ученый учащій, какъ постоянно обогащающій самъ себя таинственною силою самого же своего слова. По сравненію св. Іоанна Златоуста, „какъ источникъ, если изъ него постоянно черпаютъ воду, болѣе очищается и дѣлается обильнѣйшимъ, а если бываетъ закрытъ, то изсякаетъ; такъ и даръ духовный и слово наученія, когда изъ него черпаютъ и заимствуютъ желающіе, течетъ все обильнѣе и обильнѣе". (Бес. 10-я прот. Аномеевъ).

Высоко ставя все это, почившій нашъ руководитель въ ученіи всегда съ глубокимъ уваженіемъ относился къ смиреннымъ труженикамъ и труженицамъ ученія, и, будучи самъ на высотѣ науки, всегда любовно снисходилъ къ утомленію ихъ, которое такъ

часто и такъ естественно, при постоянной напряженности, преслѣдуетъ ихъ маловидные, но столь тяжкіе труды, что равныхъ имъ не легко найти въ общежитіи.—Низкій поклонъ тебѣ за это!..

А еще поклонъ тебѣ за учениковъ и учениць!—Какъ ты любилъ ихъ всегда и какъ они любили тебя,—это такъ общеизвѣстно, что не диво было слышать даже нареканья на твою снисходительность къ нимъ.—Ты, повѣряя сердце свое мнѣ, сообщалъ мнѣ о нѣкоторыхъ письмахъ къ тебѣ учениковъ твоихъ и учениць, вышедшихъ уже на поприще общественной дѣятельности и просившихъ у тебя какъ наставника—друга совѣтовъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни. И — я любовался, смотря на отечески озабоченное лицо твое...

Не дѣло и не время здѣсь судить о необходимости въ педагогіи мудрой соразмѣрности строгости и снисходительной любви въ дѣлѣ ученія и воспитанія; но вотъ что теперь собственно дорого для насъ: и Небесный Учитель, призывавшій всегда къ труду, къ постоянной внимательности въ ученіи всѣхъ *имѣющихъ уши слышати*, къ вѣрности и неослабности въ ученіи, въ то же время взывалъ многоразличными изреченіями къ снисхожденію и прощенію, хотя бы даже и заблудшаго сына. (Ср. Мтѳ. 11, 29). Есть въ Евангеліи страница, украшенная неоцѣненнымъ жемчугомъ и самыми дорогими камнями, это — живое описаніе нѣжной, трогательной любви, съ какою отецъ принимаетъ сына своего заблудшаго. Вотъ урокъ вѣчный отцамъ и наставникамъ: „Поищи и обрати заблуждающагося и прими его съ нѣжностью, какъ сына. Легко и пріятно вести того, кто быстро шагаетъ и своею легкостію и бодростію оживляетъ нашу подъ часъ

усталую, а можетъ быть уже изнемогшую энергію. Такъ естественно среди жизненнаго труда забыться и собственный позывъ къ отдыху принять за чувство неумытной правды. Нѣтъ! ты этого слабаго и колеблющагося сумѣй поддержать и поставить на ноги, дай и ему насладиться благами знанія, сдѣлай и его наслѣдникомъ жизни!"—*Кто приметъ*, говоритъ Господь, *одно такое дитя во имя Мое, тотъ Меня принимаетъ* (Мто. 18, 5).

И не правда ли послѣ этого, что „при свѣтѣ Евангелія, подъ знаменемъ Креста, трудъ ученія и воспитанія пріобрѣтаетъ особенное великое значеніе.—Онъ идетъ въ самую основу жизни, и притомъ не этой только, а нескончаемой, вѣчной. Совершаясь въ сокровеннѣйшихъ глубинахъ духа, онъ, по самой сущности своей, не можетъ блестѣть въ мірѣ; но плодъ добраго сѣянія останется и тогда, когда *эти небеса съ шумомъ прейдутъ, и земля и всѣ дѣла на ней сгорятъ* (2 Петр. 3, 10), и — прострется туда, въ безграничную и нескончаемую вѣчность!.."

Дорогой нашъ Ѳеодоръ Владиміровичъ! Мы вполнѣ увѣрены, что ты не посѣтуешь на насъ за то, что мы все, что могли добраго, высказали о тебѣ. Премудрый Сирахъ сказалъ: *прежде смерти не блажи никого же* (11, 38); а теперь мы обязаны по долгу своему *блажить* Тебя, и притомъ же главнымъ образомъ для наученія насъ же самихъ. И тотъ же Сирахъ прибавляетъ: *блаженъ, иже обрѣте мудрость и повѣдаяй въ уши послушающихъ: въ руцѣ Божіи благое шествіе мужа сего и на лицѣ книжника возложитъ Славу свою!* (Сирах. 25, 12, 10, 5).

А что же о семьѣ осиротѣвшей?.. — Что сказать вообще объ оставляемыхъ семьяхъ такихъ выдаю-

щихся въ обществѣ нашемъ людей, какъ учителя, учительницы и труженицы воспитанія, жизнію жертвующіе для распространенія свѣта знаній, мыслей и чувствъ высокихъ и для истинно добраго направленія сердца? Конечно, ничего не можетъ быть сказано кромѣ утѣшительнаго. Здѣсь то и ощущается сердцами нашими истина награждающей Правды Божіей, еще выше поднимающая среди обыкновенныхъ людей значеніе руководителей и руководительницъ молодого поколѣнія.

Пусть осиротѣвшая семья внимаетъ среди этой бури, разразившейся надъ нею, слову Самого Господа, какъ нѣкогда слышали Его Апостолы среди бури морской: *Азъ есмь, не бойтеся!*—Это Я — непостижимый Богъ Любви взялъ его, любовь Моя къ нему и къ вамъ взяла его,—для общаго вашего блага; но только тамъ вы оцѣните всю премудрость любви Небеснаго Отца сиротъ!... И чувствуется намъ, всѣмъ сошедшимся на скорбь сію, какъ бы голосъ непреложной истины: „не могутъ быть оставлены, будутъ воспитаны и устроены дѣти того, кто съ отеческою сердечностію и съ такимъ заботливымъ усердіемъ и даже самоотверженіемъ служилъ чужимъ дѣтямъ!—Это не только предметъ желаній и молитвъ, но и непреложный законъ правды!“ Аминь.

II.

Рѣчь предъ прощаніемъ съ почившимъ учителя 2-й москов. женской гимназіи М. К. Любавскаго.

Благослови, отче, передъ послѣднимъ цѣлованіемъ сказать нѣсколько словъ къ нашему дорогому собрату, уходящему въ послѣдній путь.

Прощай, незабвенный Ѳедоръ Владиміровичъ! Больно и тяжко намъ, твоимъ товарищамъ и ученицамъ, разставаться съ тобою: вѣдь ты былъ родной отецъ въ нашей гимназической семьѣ, и я уже теперь говорю тебѣ это не шутя, какъ бывало прежде, а вполнѣ серіозно и искренно... Кому изъ насъ не сдѣлалъ ты добра, если только могъ, за кого не хлопоталъ, о комъ не болѣлъ сердцемъ, кому не посочувствовалъ въ радостяхъ и скорбяхъ? Ты молчишь теперь, ничего не отвѣчаешь на мои вопросы, но все равно не могъ бы отвѣтить на нихъ и ранѣе при жизни. Велика была въ тебѣ нравственная сила, дорогой Ѳедоръ Владиміровичъ! По твоимъ же и чужимъ разсказамъ знаю я, какъ тяжело жилось тебѣ въ былое время, особенно во время твоего провинціальнаго учительства, какія напасти и огорченія пришлось и потомъ претерпѣть отъ людей. Но свидѣтельствую вмѣстѣ съ тѣмъ, что ты не озлобился сердцемъ, не извѣрился въ людей,

не пересталъ ждать отъ нихъ добра. И добро было... Твой высоко-нравственный оптимизмъ создавалъ вокругъ насъ свѣжую и легкую духовную атмосферу, въ которой намъ всѣмъ хорошо дышалось и работалось, и кажется насъ животворила... Земной тебѣ поклонъ отъ всѣхъ твоихъ товарищей и ученицъ за эту вѣру, надежду и любовь... Не много сравнительно ты пожилъ на землѣ, но много потрудился и перестрадалъ сердцемъ. Дай теперь, Господи, миръ твоему праху въ родной землѣ и вѣчный покой твоей любвеобильной и многонастрадавшейся душѣ. До свиданья!

III.

Рѣчь у гроба на вокзалѣ Яросл. жел. дор. учителя 2-й москов. женской гимназіи Вл. М. Фриче.

Есть люди, которымъ волей судьбы назначено прожить жизнь, лишенную яркихъ и эффектныхъ красокъ. Они не поражаютъ блескомъ своей личности не совершаютъ великихъ подвиговъ и не дарятъ міру новыхъ откровеній.

Безшумно проходятъ они по землѣ и—тихо подходитъ къ нимъ смерть.

Большая публика на нихъ не оставливаетъ своего вниманія: она умѣетъ восхищаться лишь красивыми позами и яркими цвѣтами. Не хочетъ она видѣть, какъ много героизма въ ихъ скромной дѣятельности: не желаетъ она понять, что ихъ покорность судьбѣ, и снисходительность къ людямъ—результатъ неустанной работы надъ собою, великой побѣды надъ собой. Не приходитъ ей въ голову, что пришлось быть можетъ похоронить не одну мечту и обуздать не одно желаніе, прежде чѣмъ безропотно принять жизнь, которая вся уходитъ на исполненіе своего долга, на служеніе своему дѣлу. Но кто ближе всматривался въ этихъ тихихъ людей, никогда не забудятъ ихъ симпатичнаго образа, одухотвореннаго чувствомъ отреченія.

Къ числу такихъ людей принадлежалъ и Ѳедоръ Владиміровичъ, вырванный безжалостной смертью изъ нашей среды. Невольно вспоминается мнѣ тотъ день, когда я начинающій преподаватель впервые вошелъ въ ту комнату, тамъ, во второй гимназіи, гдѣ онъ царилъ начальникомъ. Я чувствовалъ себя неловко, волнуясь и робѣя. Нѣсколькими сердечными словами вернулъ онъ мнѣ бодрость и самообладаніе. „Полагайтесь во всемъ на меня!“ говорилъ онъ. „Помните разъ навсегда—мы товарищи“.

И съ той поры, въ продолженіе пяти лѣтъ, я—и не только я одинъ—мы всѣ слышали изо-дня въ день этотъ дружескій голосъ и тепло жилось и свободно дышалось подъ его доброй опекой. Не зналъ онъ къ намъ ни зависти, ни ревности. Онъ выше всего цѣнилъ успѣхъ того дѣла, во главѣ котораго онъ стоялъ, никогда не подчеркивая своего первенствующаго положенія, своей руководящей роли. Онъ былъ не нашимъ инспекторомъ, а добрымъ отцомъ и любящимъ братомъ. Онъ былъ образцовымъ товарищемъ. Онъ протягивалъ руку помощи, гдѣ видѣлъ нужду, ободрялъ, когда замѣчалъ упадокъ духа, прощалъ, какъ только могъ. И помогалъ, утѣшалъ и прощалъ онъ все такъ же тихо-безшумно, какъ безшумно-тихо прошла его жизнь. Онъ не гонялся за почестями, за мишурнымъ блескомъ. Онъ зналъ, что счастье лишь въ той покорности судьбѣ, въ той снисходительности къ людямъ, которымъ его научила суровая жизнь, лишенная яркихъ и эффектныхъ красокъ.

И смерть незамѣтно подошла.

Но изъ того міра, куда онъ скрылся, намъ еще долго будетъ звучать его завѣтъ работать дружно для общаго дѣла, не гоняясь за славой, работать въ со-

гласіи и вѣрѣ и тихо исполнять труднѣйшую изъ всѣхъ обязанностей—обязанность жить и учить какъ жить.

Прими же въ послѣдній разъ, навѣки ушедшій товарищъ, горячую благодарность за твою доброту, за твою снисходительность, за твое братское отношеніе къ намъ, если только то, что происходитъ здѣсь, на этомъ ничтожномъ клочкѣ земли, еще достигаетъ твоего сознанія, покоющагося въ другихъ, невѣдомыхъ сферахъ.

IV.

Памяти Ѳ. В. Цвѣтаева *).

Какъ трудно примириться вообще съ чьей-либо смертью, а тѣмъ болѣе съ смертью человѣка въ томъ или иномъ отношеніи намъ близкаго! Его уже нѣтъ среди насъ, но мы все еще какъ будто слышимъ его голосъ, видимъ его лицо, походку, съ поразительною ясностью и отчетливостью припоминаемъ всѣ его привычки, манеру говорить, смѣяться. Порою намъ кажется, что вотъ-вотъ онъ подойдетъ къ намъ и мы опять услышимъ знакомую рѣчь. Но нѣтъ: то игра воображенія. Покойный навсегда разстался съ нами и мы никогда, никогда больше не увидимъ его. Хотѣлось бы забыть о немъ скорѣй, чтобы не испытывать изъ-за него душевныхъ мукъ и терзаній, но воспоминанія о немъ назойливо врываются въ душу, наполняя ее щемящимъ, тоскливымъ чувствомъ. А онъ,—

Онъ далеко, онъ не узнаетъ,
Не оцѣнитъ тоски твоей.
Небесный свѣтъ теперь ласкаетъ
Безплотный взоръ его очей.

Съ именемъ Ѳедора Владиміровича Цвѣтаева связаны мои гимназическіе годы, едва ли не лучшая пора

*) „Моск. Вѣд.“ № 45, кн. Б. А. Щетининъ.

жизни каждаго изъ насъ,—ранней, безмятежной юности. Я только что перепелъ тогда въ восьмой классъ, и вотъ, какъ сейчасъ помню, пронесся слухъ, что къ намъ въ 6-ю гимназію назначенъ новый учитель русскаго языка, на мѣсто подавшаго въ отставку Т.

Ѳ. В. Цвѣтаевъ съ перваго же урока сумѣлъ заинтересовать насъ своимъ предметомъ, который онъ излагалъ въ формѣ живой бесѣды о разныхъ явленіяхъ русской литературы, главнымъ образомъ, Пушкинскаго ея періода. Передъ Пушкинымъ онъ положительно благоговѣлъ, какъ передъ святыней, всѣ силы употреблялъ къ тому, чтобы и мы прониклись благоговѣніемъ къ творческому генію нашего величайшаго національнаго поэта. Въ этомъ, по моему мнѣнію, заключалась главная и истинная заслуга Ѳедора Владиміровича, какъ преподавателя. Онъ безпрестанно читалъ намъ отрывки изъ произведеній Пушкина, подолгу и съ любовью останавливаясь на лучшихъ мѣстахъ, подробно выясняя ихъ смыслъ и красоту.

Уроки эти не пропали даромъ: мы научились понимать и цѣнить Пушкина, а съ нимъ и всю русскую литературу.

И какъ радовался, бывало, покойный, когда замѣчалъ, что подъ его вліяніемъ въ томъ или другомъ ученикѣ пробуждался горячій интересъ къ русской литературѣ. Помню, задалъ онъ намъ прочитать *Бориса Годунова*, съ тѣмъ, чтобы мы умѣли излагать содержаніе каждой сцены. Хотя я значился въ алфавитномъ спискѣ однимъ изъ послѣднихъ, но разсказывать содержаніе прочитаннаго почему-то выпало на мою долю. Не обладая большимъ даромъ слова, я приступилъ къ своей задачѣ довольно вяло и не хотя, однако, спустя нѣсколько минутъ я уже сталъ увлекаться

своею ролью, а когда дѣло дошло до знаменитой сцены у фонтана, я вдругъ произнесъ ее, ко всеобщему изумленію, наизусть. Нужно было видѣть, какою радостью сіяло доброе лицо Ѳедора Владиміровича, какъ онъ одобрительно кивалъ мнѣ головой, повторяя иногда вслѣдъ за мною окончанія звучныхъ Пушкинскихъ стиховъ. Уже звонокъ давно прозвонилъ, а онъ все ходилъ по классу и слушалъ мою декламацію.

Удивительно кроткій, добрый, незлобивый человѣкъ былъ покойный. Добродушіемъ вѣяло ото всей его крѣпкой, коренастой фигуры, добродушіемъ блестѣли его большіе каріе глаза, добродушіемъ звучалъ его низкій съ бархатнымъ оттѣнкомъ басъ. Какъ въ характерѣ, такъ и во всемъ складѣ его ума чувствовалось что-то необычайно уравновѣшенное, ровное, спокойное. Я ни разу не слыхалъ, чтобъ онъ когда-либо возвысилъ голосъ иди разсердился на кого-нибудь изъ своихъ учениковъ, хотя поводомъ къ тому бывало, разумѣется, сколько угодно. Я не помню даже ни одного замѣчанія съ его стороны, ни одного рѣзкаго слова, обращеннаго къ ученикамъ. Всегда ласковый и привѣтливый, онъ относился ко всѣмъ намъ съ какою-то отеческою нѣжностью, готовый во всякую минуту выгораживать и защищать насъ передъ начальствомъ, если бъ это понадобилось. И дѣйствительно, бывали случаи, когда на педагогическомъ совѣтѣ онъ шелъ одинъ противъ большинства, спасая провинившагося гимназиста отъ увольненія.

Идетъ ли вопросъ объ освобожденіи учениковъ отъ платы за ученіе, или о наложеніи мѣры взысканія на провинившагося, Ѳедоръ Владиміровичъ неизмѣнно подаетъ голосъ *за*, а не *противъ*, всегда въ пользу ученика, а не во вредъ ему. Для многихъ это былъ

настоящій ангелъ-хранитель, и несомнѣнно, что память о немъ долго будетъ жить въ сердцахъ людей, которымъ пришлось испытать на себѣ его доброту.

Какъ педагогъ, Ѳедоръ Владиміровичъ былъ удивительно внимателенъ ко всѣмъ своимъ ученикамъ и доступенъ. Отъ него никогда нельзя было услышать фразъ въ родѣ тѣхъ, какими любятъ иногда отдѣлываться учителя въ отвѣтъ на обращенные къ нимъ вопросы учащихся, что это, молъ, не относится къ дѣлу, или что они это поймутъ потомъ, когда будутъ старше и т. д. Нѣтъ, онъ всякому старался разъяснить, по мѣрѣ возможности, всѣ его сомнѣнія и недоумѣнія, всякаго старался наставить на тотъ путь, который казался ему наиболѣе разумнымъ и истиннымъ.

За то и осаждали же мы его всѣ посторонними и „къ дѣлу неотносящимися“ вопросами, просто, что называется, проходу не давали! Помнится, напечаталъ я въ томъ году свой первый разсказъ въ иллюстрированномъ журналѣ *Радуга*, издававшемся покойнымъ Метцлемъ. Разсказъ представлялъ собой какой-то несуразный дѣтскій лепетъ и, надо только удивляться, какимъ образомъ онъ могъ попасть въ печать,—вѣроятно, по добротѣ сердечной редактора Д. А. Мансфельда. Какъ бы то ни было, но самъ я чрезвычайно гордился своимъ литературнымъ дебютомъ и при первомъ же удобномъ случаѣ отдалъ его на судъ добрѣйшему Ѳедору Владиміровичу. Случай былъ, пожалуй, даже не изъ совсѣмъ „удобныхъ“, ибо, желая скрыть свой поступокъ отъ товарищей, я дожидался Ѳ. В. въ дверяхъ учительской комнаты въ такое время, когда корректному ученику полагалось сидѣть въ классѣ.

Выйдя изъ учительской и увидѣвъ меня стоящимъ съ какимъ-то сверткомъ въ рукѣ, Ѳ. В. сразу догадался, что у меня есть къ нему дѣло.

— Вы меня дожидаетесь! обратился онъ ко мнѣ, и ласково дотронулся до моего плеча.

Заплетающимся отъ волненія языкомъ я сказалъ ему, что напечаталъ разсказъ и желалъ бы выслушать его мнѣніе.

— Какъ! Вы уже печатаете свои разсказы? съ обычною своею доброю улыбкой воскликнулъ Ѳ. В. Цвѣтаевъ. Давайте, давайте, батюшка, это очень интересно!

Дня черезъ два послѣ этого я встрѣтился съ Ѳедоромъ Владиміровичемъ въ домѣ его брата, профессора И. В. Цвѣтаева. Онъ тотчасъ же посадилъ меня рядомъ съ собою и началъ отечески журить за то, что я отдалъ въ печать свой первый беллетристическій опытъ.

— Зачѣмъ было спѣшить печататься? укорялъ онъ меня.—Вѣдь года черезъ два, три вы будете краснѣть за этотъ разсказъ. Дарованіе у васъ есть, ну и работайте себѣ потихоньку, не спѣша, читайте какъ можно больше, наблюдайте жизнь, а печататься еще успѣете, придетъ время...

Далеко не лестную для меня оцѣнку моего литературнаго дебюта Ѳ. В. Цвѣтаевъ дѣлалъ въ такой мягкой, деликатной формѣ, такъ добродушно и съ такимъ искреннимъ желаніемъ принести мнѣ пользу, что мое авторское самолюбіе ничуть не было уязвлено.

Въ этомъ кроткомъ, незлобивомъ и въ высшей степени доброжелательномъ отношеніи къ людямъ и заключается секретъ того обаянія и той популярности, которою пользовался покойный Ѳедоръ Владиміровичъ среди близко соприкасавшихся съ нимъ лицъ.

Миръ праху твоему, добрѣйшій, симпатичнѣйшій и гуманнѣйшій изъ людей!

V.

Человѣкъ-педагогъ *).

Въ послѣдніе дни я получалъ отъ читателей и письменныя, и устныя заявленія о личности, мало отмѣченной въ печати,—о скончавшемся недавно Ѳ. В. Цвѣтаевѣ, инспекторѣ 2-ой женской гимназіи, котораго одинъ изъ моихъ корреспондентовъ назвалъ „человѣкомъ-педагогомъ“.

Менѣе всего онъ искалъ популярности, а между тѣмъ онъ ее имѣлъ, хотя и совсѣмъ того не замѣчалъ. Онъ творилъ добрыя дѣла, творилъ подвиги милосердія и любви тихо, смиренно, словно при этомъ конфузясь, словно боялся обидѣть васъ своимъ нѣжнымъ, мягкимъ, зачастую совсѣмъ непрошеннымъ, неожиданнымъ, но трогательнымъ вниманіемъ. Мой корреспондентъ, давшій мнѣ эти свѣдѣнія о личности покойнаго инспектора и учителя, объясняетъ такое трогательное, исполненное чувства сладостнаго благоволенія, отношеніе Цвѣтаева ко всѣмъ, съ нимъ служившимъ, у него учившимся, самой интенсивной и непосредственной отзывчивостью его къ чужому горю, нуждѣ, недугу. У него, можно сказать, была,—пишетъ онъ,—„какая-то, я скажу, нутряная, какая-то стихійно-сильная, и

*) „Курьеръ“ № 55, за подписью *Сѣверянинъ*.

въ то же время истинно-христіанская потребность, услышавъ или даже догадавшись о бѣдѣ ближняго своего итти сейчасъ же, немедленно на помощь ей, не дожидаясь, чтобы его просили. Въ этомъ отношеніи онъ обладалъ великой тайной догадки. Онъ самъ предлагалъ свои услуги, едва только заподозрѣвалъ, что въ нихъ нуждаются, но не рѣшаются ему сказать. Усталъ, прихворнулъ подвѣдомственный ему молодой учитель отъ изсушающей мозгъ возни съ тетрадками и съ „краснымъ карандашомъ",—для подчеркиванія всякаго лыка въ строку. Нѣтъ, нѣтъ, да и пропуститъ онъ уроки, чувствуя слабость силъ и перемогаясь сколько можетъ, наконецъ, онъ слегъ и пишетъ объясненіе по поводу сдѣланныхъ имъ вынужденныхъ манкировокъ. Въ отвѣтъ на это „начальство" въ лицѣ инспектора Цвѣтаева пишетъ юному, начинающему педагогу тономъ не чиновника, но добраго товарища, простого, сердечнаго человѣка. „Сидите дома,—обращается онъ къ педагогу-новичку.—Я и самъ замѣтилъ, что съ вами творится что-то неладное; будьте осторожнѣе, повремените итти на службу, пока не поправитесь; не растрачивайте преждевременно молодыхъ силъ: послѣ не вернете".

Да, къ нему подходили слова: товарищъ, другъ, отецъ, наставникъ, но уже никакъ не „господинъ инспекторъ, господинъ начальникъ" и т. п.

Учителя вспоминаютъ съ особенной признательностью ту его заслугу, что онъ всячески избѣгалъ вторгаться въ область чужого творчества съ своей начальственной регламентаціей; онъ горячо уважалъ идивидуальность въ лицѣ каждаго подчиненнаго ему преподавателя, довѣрялъ ему и благоволилъ къ нему принципіально; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уважалъ человѣка

и въ ребенкѣ-ученикѣ, расположенный почти всегда елико возможно болѣе миловать тамъ, гдѣ другіе обязательно карають.

* * *

На педагогическихъ совѣтахъ, этихъ лучшихъ пробахъ человѣчности и тактичности всякаго педагога-администратора, онъ держалъ себя необычайно просто, чисто потоварищески, не навязывая никому своего мнѣнія. Напротивъ, онъ очень любилъ, при всякомъ трудномъ, сложномъ, спорномъ и деликатно-щекотливомъ дѣлѣ—при поступкахъ и иныхъ шаловливыхъ и досадныхъ ученическихъ выходкахъ, обязательно и немедленно обращаться къ суду своихъ товарищей-подчиненныхъ, къ ихъ мнѣнію, къ ихъ совѣту.

Рѣдко кто такъ горячо печется о всевозможныхъ мѣрахъ улучшенія быта съ матеріальной стороны того или иного учителя, учительницы, наставницы, какъ заботился, болѣлъ за нихъ душой онъ. Постоянно онъ ходатайствовалъ о денежной помощи каждому соотвѣтственно его дѣйствительнымъ нуждамъ, придумывая для кого пособіе, а для кого—награду. Кончина его будетъ долго и искренно оплакиваться: въ чувствованіяхъ благодарности къ его памяти сливаются тѣсно объединяясь, обѣ стороны, далеко не всегда, далеко не вездѣ и не во всемъ солидарныя между собой: и педагоги, и питомцы.

VI.

Другъ-учитель*).

Воспоминанія И. Ф. Рынды.

„Человѣкъ онъ былъ“!

Шелъ 1875 годъ, я былъ въ 3-мъ классѣ орловскаго реальнаго училища. Еще въ началѣ учебнаго года среди учениковъ стали носиться слухи, что у насъ будетъ новый учитель русскаго языка.

Въ концѣ сентября или въ первыхъ числахъ октября передъ началомъ уроковъ насъ нѣсколько учениковъ толпилось въ швейцарской. Входитъ нашъ учитель К., а съ нимъ новое лицо—высокій, статный брюнетъ. Я обратился къ наставнику съ вопросомъ: „Не новый ли это учитель?“, но получилъ въ отвѣтъ чуть не окрикъ...

Кажется, вторымъ урокомъ въ нашемъ классѣ былъ русскій языкъ. Послѣ звонка, входитъ въ нашъ классъ директоръ А. И. Дружининъ, въ сопровожденіи вы-

*) Когда весь предшествующій текстъ былъ набранъ, получены были воспоминанія орловскаго педагога И. Ф. Рынды объ орловскомъ періодѣ жизни О. Вл. Цвѣтаева, живо рисующія, въ какія близкія отношенія вступалъ покойный къ ученикамъ, угнетаемымъ бѣдностью. По необходимости помѣщаемъ въ концѣ этотъ интересный разсказъ, относящійся по содержанію къ первой половинѣ этой брошюры.

сокаго мужчины, встрѣченнаго мною въ швейцарской, одѣтаго въ черный фракъ, и говоритъ:

„Рекомендую вамъ новаго учителя русскаго языка Ѳедора Владиміровича Цвѣтаева. Надѣюсь, что вы всѣ будете относиться къ нему съ подобающимъ уваженіемъ и исполнять его требованія". Проговоривъ это, онъ вышелъ изъ класса.

Новый учитель, видимо стѣсняясь (какъ теперь я понимаю), сѣлъ на стулъ, снялъ очки и, послѣ нѣсколькихъ словъ привѣта, узнавъ, что на очереди стоялъ вопросъ изъ синтаксиса „о предложеніяхъ", повелъ съ нами бесѣду о томъ, чѣмъ и какими способами человѣкъ можетъ выражать свою мысль. Классъ, привыкшій только къ заучиванію уроковъ по книгѣ, безъ особыхъ объясненій, притихъ и весь превратился въ слухъ. Что касается меня, то я буквально застылъ на мѣстѣ отъ восторга при этой ясной, вразумительной и простой рѣчи, любуясь въ то же время чудными карими глазами говорившаго. Звонокъ вывелъ меня какъ бы изъ забытья...

На слѣдующемъ урокѣ новый учитель разбиралъ стихотвореніе Ю. Жадовской Христіанская любовь: „Покрытый ранами, поверженный во прахъ..."

Этотъ разборъ, равно и какъ и всѣ послѣдовавшіе за нимъ до сихъ поръ у меня въ головѣ словно гвоздями прибиты. Объясненія Ѳ. Вл—ча отличались особою плавностью рѣчи, съ трогавшими сердце переходами его низкаго, мягкаго баритона; при этомъ каждое слово отчеканивалось имъ по-владимірски, особенно отчетливо и опредѣленно.

Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ далекихъ поръ, а музыка этихъ низкихъ, грудныхъ тоновъ голоса его и доселѣ поднимается въ моемъ воспоминаніи и, право, въ такія минуты легче становится у меня на душѣ...

Подъ вліяніемъ двухъ его уроковъ вся душа моя обратилась къ нему, и я всѣмъ пыломъ молодого сердца полюбилъ его.

Второй его урокъ пришелся въ субботу. При училищѣ была у насъ церковь, и посѣщеніе богослуженій было обязательное. Директоръ нашъ строго слѣдилъ за этимъ и за неявившимся посылалъ надзирателя, чѣмъ и отбилъ всякую охоту у желавшихъ манкировать. У насъ въ то время былъ прекрасный хоръ съ выдающимися голосами. Я состоялъ пѣвчимъ и стоявши на клиросѣ, лицомъ къ молящимся, вскорѣ увидѣлъ здѣсь нашего новаго учителя. Когда мы запѣли, онъ всѣмъ своимъ корпусомъ подался впередъ, глубоко погрузился въ слушаніе, видимо изучая наше стройное пѣніе.

Послѣ всенощной я подхожу къ Ѳ. Вл. и прошу его дать мнѣ книгъ для чтенія. „Да вотъ вы завтра, послѣ обѣдни, приходите ко мнѣ, тамъ я вамъ и дамъ". При этомъ онъ сказалъ мнѣ адресъ своей квартиры. На другой день, въ назначенный часъ, я былъ у него въ квартирѣ.

Съ какою особенною нѣжностію онъ принялъ меня, съ какимъ живымъ интересомъ выслушивалъ мои порывистыя рѣчи, въ которыхъ я выливалъ мучившіе мою юную душу вопросы, этого не забуду я до конца моихъ дней. Такъ глубоко залегла мнѣ въ сердце эта первая сердечная бесѣда гуманнаго учителя со мною, дотолѣ не встрѣчавшимъ на своемъ пути учительскаго привѣта и ласки.

Въ концѣ этой незабвенной бесѣды Ѳ. Вл. далъ мнѣ книгу, и мы распрощались. Я попросилъ позволенія придти къ нему въ слѣдующее воскресеніе. Какъ-то такъ случилось, но въ этотъ день, когда я пришелъ

къ Ѳ. Вл., у него уже сидѣли двое моихъ товарищей по классу. Я возвратилъ данную мнѣ книгу, получилъ въ обмѣнъ ея другую, слушалъ бесѣду Ѳ. Вл. съ нами, продолжавшуюся около часа, и ушелъ. Въ слѣдующее воскресенье мы опять трое сошлись у нашего ласковаго учителя. Но мои товарищи начали было въ завязавшейся бесѣдѣ рисовать Ѳ. Вл—чу съ невыгодной стороны нѣкоторыхъ нашихъ учителей и эта бесѣда кончилась тѣмъ, что опечаленный такимъ поступкомъ Ѳ. Вл. попросилъ ихъ не приходить къ нему болѣе...

И вотъ пошли затѣмъ для меня эти дорогія воскресенія, которыхъ въ теченіе недѣли я ожидалъ какъ манны небесной. На нихъ я росъ и крѣпъ душою: тутъ и разрѣшалъ мой учитель зарождавшіеся въ моемъ дѣтскомъ мозгу новые вопросы и объяснялъ мнѣ все, что оставалось непонятнымъ на урокахъ. Ѳ. Вл. относился ко мнѣ какъ старшій родной, какъ братъ, упредившій меня годами, которому пришлось заняться моимъ образованіемъ нравственнымъ и умственнымъ. Скоро я сталъ для него совсѣмъ своимъ, близкимъ. И съ какимъ восторгомъ я проводилъ эти дорогіе для меня праздники у него, въ его маленькой квартирѣ, состоявшей изъ двухъ комнатъ, на Карачевской улицѣ! Съ какимъ восторгомъ я летѣлъ бывало въ тотъ уютный домикъ, гдѣ я впервые въ жизни встрѣтилъ такую просвѣтительную ласку, такую трогательную нѣжность и столь внимательное отношеніе къ моей судьбѣ, къ моимъ горямъ и бѣдамъ, этимъ неразлучнымъ спутникамъ нищеты, неотступно преслѣдовавшей мою семью. А семья наша состояла изъ матери, выбивавшейся изъ силъ отъ тяжкой физической работы, замужней сестры, имѣвшей свое семейное горе и жившей съ нами, изъ меня и младшаго брата.

Быстро своимъ чуткимъ сердцемъ понялъ Ѳ. Вл. всю тяжесть нашего семейнаго положенія и спустя нѣсколько мѣсяцевъ онъ меня, маленькаго и тщедушнаго мальчика, устроилъ въ два дома для даванія уроковъ, доставивши такимъ образомъ неожиданнаго помощника моей матери въ добываніи средствъ къ жизни. Не забыть мнѣ, какъ это обрадовало мою бѣдную, загнанную нуждою, мать и какъ это примирило ее съ моимъ рѣшеніемъ поступить въ реальное училище, которому она предпочитала для меня службу на желѣзной дорогѣ.

Время шло, отношенія наши крѣпли, и Ѳ. Вл. буквально не упускалъ меня изъ виду. Когда онъ на Рождество, Святую или на каникулы уѣзжалъ къ отцу во владимірскую губернію, онъ и тамъ помнилъ меня, посылая мнѣ письма.

Весною 1877 года онъ собрался въ Кіевъ—поклониться тамошнимъ святынямъ. Когда онъ вернулся оттуда, при первой встрѣчѣ на его квартирѣ, онъ подалъ мнѣ крестикъ отъ св. мощей со словами: „Вотъ тебѣ, Ваня, носи и не забывай меня!“ Эту святыню я носилъ на себѣ 20 лѣтъ, но, къ несчастію, лишился ея въ 1897 году, купаясь около Орла въ рѣкѣ. Какъ грущу я съ тѣхъ поръ по этомъ крестикѣ!

Разъ, бывши въ 5-мъ классѣ, зимою я сильно занемогъ и лежалъ въ постели. Ѳ. Вл. скоро узналъ объ этомъ, и такъ какъ у насъ въ квартирѣ было и холодно, и сыро, и очень тѣсно, онъ прислалъ свою лошадь за мною и свою шубу,—и меня, всего закутаннаго, перевезли къ нему. Съ какою нѣжною заботливостію онъ пріютилъ у себя своего больнаго ученика! Сколько радости и облегченія приносилъ онъ мнѣ, когда бывало подойдетъ, сядетъ около меня и положитъ свою

руку мнѣ на лобъ! Двѣ ночи, особенно тяжелыя для меня, онъ провелъ безъ сна, самъ подавая мнѣ то одно, то другое лѣкарство и служа мнѣ самъ при питаніи. И доселѣ я вижу, сколько истинно роднаго сочувствія, нѣжнаго участія и тихой ласки при этомъ уходѣ свѣтилось въ его большихъ и добрыхъ карихъ глазахъ. Такъ Ѳ. Вл. продержалъ меня у себя до полнаго выздоровленія.

Благодаря такому исключительному руководительству Ѳ. Вл—ча, въ 3-мъ и 4-мъ классахъ я былъ записанъ на золотую доску. Эта честь заставила меня еще болѣе напрягать свои силы. Но неумѣренное чтеніе по ночамъ, усиленныя занятія и даваніе уроковъ въ большомъ числѣ взяли свое, и когда я былъ въ 6-мъ классѣ, мое здоровье уже на столько расшаталось, что я вынужденъ былъ остаться на второй годъ. Но и пребываніе въ этомъ классѣ лишній годъ не принесло мнѣ счастья. На письменномъ испытаніи изъ алгебры я получилъ отмѣтку 2 (задача была рѣшена, какъ и теперь я убѣжденъ, вѣрно, но не тѣмъ способомъ, какъ хотѣлъ того нашъ учитель математики), и я былъ исключенъ изъ училища. Полный отчаянія, я на каникулахъ написалъ Ѳ. Вл. скорбное письмо. На него я получилъ длинный отвѣтъ, исполненный необычайной теплоты и сердечности. Онъ указывалъ на милость Божію, на необходимость горячей вѣры и твердой надежды на Провидѣніе; онъ утѣшалъ и подкрѣплялъ упадшій духъ мой, говоря, что судьба укажетъ мнѣ назначенный путь жизни. Обозначилъ при этомъ онъ и время пріѣзда своего въ Орелъ. Это возвращеніе Ѳ. Вл. принесло мнѣ неожиданную радость и спасло отъ бѣды. Осенью 1880 года Орелъ посѣтилъ управлявшій министерствомъ Народнаго Просвѣщенія А. А. Сабуровъ. По

настоянію Ѳ. Вл—ча я подалъ ему прошеніе, и этотъ сановникъ, отнесшись милостиво къ моему горю, передалъ мою бумагу на разсмотрѣніе педагогическаго совѣта нашего реальнаго училища. Меня приняли въ 7-й классъ, но съ тѣмъ, чтобы я въ будущемъ году держалъ экзамены выпускные и изъ предметовъ 6-го класса.

Вотъ въ этомъ-то, критическомъ для меня, учебномъ году настоящимъ ангеломъ - хранителемъ былъ для меня Ѳ. Вл. Всегда чистосердечно я раскрывалъ ему свою душу. Помню одинъ случай щекотливаго свойства. „Не дѣлай этого, воздержись“, вотъ тѣ коротенькія слова, которыми онъ удержалъ меня отъ одного ложнаго шага.

И въ эту пору онъ не переставалъ заботиться о моемъ матеріальномъ положеніи; на этотъ разъ онъ доставилъ мнѣ первый литературный гонораръ. Въ бытность нашу въ 7-мъ классѣ мы всѣ ученики ѣздили въ экскурсію съ преподавателемъ механики П. А. Жировымъ осматривать Бѣжецкій рельсопрокатный заводъ. Изученіе его продолжалось цѣлую недѣлю и было очень подробное. По возвращеніи въ Орелъ, я составилъ статью объ этой экскурсіи и показалъ ее Ѳ. Вл—чу. Онъ внимательно прочиталъ ее и потомъ съ какимъ ободряющимъ участіемъ самъ вызвался похлопотать о помѣщеніи ея въ „Орловскомъ Вѣстникѣ“ и послѣ поздравилъ меня съ первымъ литературнымъ заработкомъ...

Заботился Ѳ. Вл. о матеріальной помощи и другимъ своимъ ученикамъ. Когда я былъ въ 7-мъ классѣ, онъ внушилъ намъ мысль разучить и сыграть „Ревизора“ Гоголя. Роли распредѣлилъ онъ между нами такъ удачно, что нашъ спектакль произвелъ въ орловскомъ

обществѣ наилучшее впечатлѣніе. Репетиціи производились подъ наблюденіемъ Ѳ. Вл.; режиссеромъ же нашимъ былъ П. Д. Потемкинъ, начальникъ контроля орловско-витебской ж. д. Сколько оживленія, сколько радостей внесъ этотъ незабвенный спектакль въ нашу ученическую среду! Вмѣстѣ съ эстетическимъ удовольствіемъ онъ принесъ намъ и реальную пользу, доставивъ нѣсколькимъ бѣднымъ питомцамъ нашего училища, отправлявшимся въ высшія учебныя заведенія, денежную помощь.

Оберегая доброе имя сослуживцевъ-учителей отъ неумѣстной критики ихъ питомцевъ, Ѳ. Вл. не терпѣлъ, когда какой-либо ученикъ позволялъ себѣ высокомѣрное отношеніе къ своему товарищу. Наблюдалось имъ это особенно при разборѣ нашихъ письменныхъ работъ. Высоко цѣня самодѣятельность мышленія и способность учениковъ выражать свои мысли ясно и развивать ихъ логически, Ѳ. Вл. заставлялъ насъ часто писать сочиненія. Темы его были очень разнообразны. У него былъ обычай разбирать ученическія сочиненія въ классѣ при общемъ нашемъ участіи въ этой работѣ; но умѣренный въ порицаніи ученическихъ ошибокъ самъ, онъ не дозволялъ, чтобы замѣчанія критиковъ-товарищей носили хотя бы тѣнь насмѣшки или даже намека на нее.

Самъ онъ читалъ наши работы съ большимъ вниманіемъ, какъ тому доказательствомъ служатъ два слѣдующіе примѣра со мною. Въ 4-мъ классѣ я сидѣлъ рядомъ съ П—вымъ, съ которымъ мы были очень дружны. Разъ Ѳ. Вл. приноситъ наши сочиненія. Взялъ онъ двѣ работы и что-то особенно внимательно посматриваетъ на насъ обоихъ. Затѣмъ, обратившись къ намъ, онъ дѣлаетъ короткую, но сильную нотацію

и мнѣ и П—ву за то, что тотъ „позаимствовалъ“ у меня... Въ другой разъ, я въ „Описаніи весны“ употребилъ фразу: „При пѣніи жаворонка, становится грустно на душѣ“—и Ѳ. Вл. не успокоился до тѣхъ поръ, пока я не объяснилъ ему значенія этого выраженія для меня.

Особое вниманіе обращалъ нашъ учитель на домашнее чтеніе учениковъ, назначая здѣсь книги въ строго послѣдовательномъ порядкѣ. И сильно порицалъ онъ тѣхъ скороспѣлыхъ всезнаекъ, которые раньше времени проглатывали сочиненія писателей, требовавшія иного возраста, пониманія жизни и болѣе зрѣлыхъ думъ. И при руководствѣ этимъ чтеніемъ, и въ объясненіяхъ отечественныхъ авторовъ, онъ старался развивать въ насъ любовь къ родинѣ, ея природѣ, ея благодушному и даровитому народу, къ его поучительной исторіи, исполненной и мощи и страданій. Благодаря урокамъ Ѳ. Вл—ча по русской литературѣ, еще дороже, еще милѣе становилась намъ наша родная земля, наши родныя поля и лѣса, наше историческое прошлое, нашъ народъ - исполинъ, широко раскинувшійся по свѣту... Какъ тепло бились наши сердца при этихъ объясненіяхъ, живыхъ и образныхъ, но краткихъ, безъ лишнихъ фразъ и риторическихъ цвѣтовъ!

Кончились выпускные экзамены. Какъ сейчасъ возстаетъ передо мною день, въ который мы получили свидѣтельства объ окончаніи курса. Я, очень рѣдко посѣщавшій городской садъ, отправился туда вечеромъ этого дня. Тамъ встрѣтилъ я Ѳ. Вл—ча. И какъ только мы сѣли на одну изъ скамей, такъ и просидѣли здѣсь чуть не до разсвѣта. Ахъ, что это былъ за вечеръ! Я сидѣлъ, слушалъ и почти только слушалъ. Мой

учитель говорилъ мнѣ о назначеніи человѣка, о наукѣ, о Петербургѣ, вплетая сюда частицы воспоминаній изъ времени своего студенчества, давалъ указанія о жизни въ столицѣ и въ новой для меня средѣ.

Въ началѣ августа, передъ самымъ отъѣздомъ въ Петербургъ для поступленія въ Технологическій Институтъ, я остался ночевать у Ѳ. Вл—ча. Всю ночь до утра проговорили мы. Ѳ. Вл. ободрялъ меня передъ началомъ новаго дѣла, разсказывалъ и про свою студенческую жизнь, также исполненную большой бѣдности. И такъ онъ хорошо, братски-тепло рисовалъ картину студенческаго быта, предстоявшаго мнѣ, что и доселѣ эта чудная ночь живо проносится въ моемъ благодарномъ воспоминаніи.

Наканунѣ отъѣзда Ѳ. Вл. сказалъ мнѣ: „Ты завтра приходи къ обѣду, а потомъ я заѣду къ тебѣ, а оттуда на вокзалъ". Такъ я и сдѣлалъ. За обѣдомъ онъ съ улыбкою все угощалъ меня: „Ѣшь, больше ѣшь; тамъ въ Питерѣ, братъ, насчетъ ѣды бѣдному человѣку плохо". Потомъ благословилъ онъ меня маленькой иконой Спасителя, начертанной на перламутрѣ, со словами: „Храни эту икону, и всегда, а особенно въ минуты невзгоды молись передъ ней, и Спаситель сохранитъ тебя". Эта икона хранится у меня и теперь и сколько утѣшенія доставляетъ она мнѣ въ минуты отчаянія и упадка духа! Ѳ. Вл. вручилъ мнѣ также при этомъ и нѣсколько рублей!... На своей лошадкѣ онъ свезъ меня къ матушкѣ и оттуда, послѣ прощанія, на вокзалъ. Нужно ли прибавлять, что я плакалъ, разставаясь съ учителемъ, у котораго также текли въ ту минуту слезы?..

Нищета, угнетавшая мою семью, навсегда воспрепятствовала исполненію моей мечты объ окончаніи высшаго учебнаго заведенія. Я долженъ былъ послѣ возвратиться въ Орелъ на мѣсто учителя въ уѣздномъ училищѣ. И въ слѣдовавшее затѣмъ время не оставлялъ меня мой наставникъ—другъ, рекомендуя меня на уроки и устраивая мнѣ лучшую долю. Я продолжалъ посѣщать его часто, совѣтовался съ нимъ обо всемъ и спрашивалъ между прочимъ указаній его, что дѣлать съ такими учениками, которымъ наука не дается.

— „Э, братъ, пусть кончаютъ курсъ и они—изъ такихъ выходятъ послѣ дѣловые люди, прекрасные семьяне и граждане“.

Несчастье за несчастьемъ преслѣдовало мою семью; умирали дорогія мнѣ близкія лица, умерла и бѣдная моя мать, настрадавшаяся такъ много въ жизни, и умерла, когда намъ стало жить уже легче. Я въ бѣдахъ терялъ голову, и бывшій мой учитель былъ неизмѣннымъ моимъ утѣшителемъ и помощникомъ.

Собирая воедино факты моей школьной жизни, я утверждаю, что отношенія Ѳ. Вл—ча къ ученикамъ были необыкновенно мягки и сердечны, и потому ихъ невзгоды и несчастія всегда заставляли его болѣть душой.

Обращеніе его съ нами всегда было ровное, спокойное; говорилъ онъ намъ „ты“, но такъ тепло и просто, что это намъ всѣмъ доставляло только удовольствіе. Были случаи, когда онъ говорилъ ученику и обычное „вы“, но это означало, что онъ этимъ ученикомъ недоволенъ. Отъ учениковъ онъ требовалъ прежде всего правды, и они, зная его всепрощающее и сострадательное сердце, не боялись высказывать ее.

Терпѣть не могъ онъ ухаживаній за собою съ предвзятой цѣлью, низкопоклонничества, угодливости, основанной на корыстномъ разсчетѣ; предъ нимъ никто изъ учениковъ не смѣлъ сказать что-либо дурное про другого учителя. Это всѣ поняли съ перваго же раза. Нѣкоторые изъ насъ начали было обвинять бывшаго предъ нимъ учителя русскаго языка въ дурномъ отношеніи къ своему дѣлу; но вотъ приблизительно какія слова сказалъ онъ намъ съ перваго же раза: „я васъ, господа, попрошу никогда и нигдѣ ничего дурнаго не говорить мнѣ про другихъ наставниковъ. Знайте, что нѣтъ хуже человѣка, который позволяетъ себѣ обвинять отсутствующаго, кто бы онъ ни былъ“.

Любовь къ человѣку, любовь и состраданіе къ людямъ были его отличительнымъ достоинствомъ. Эти драгоцѣнныя свойства онъ проявлялъ особенно въ отношеніи насъ, учениковъ. Въ первый же учебный годъ его пребыванія въ Орлѣ застрѣлился ученикъ П—скій. Этого случая Ѳ. Вл. не могъ никогда забыть, и послѣ онъ съ теплотою поминалъ покойнаго: „Эхъ, сердечный, покончилъ съ собою! А какой умница былъ! Какъ онъ обобщалъ все!“... Исключили у насъ ученика Е—ва за орѳографическія ошибки въ письменномъ отвѣтѣ на экзаменѣ, какъ ни отстаивалъ этого прекраснаго юношу Ѳ. Вл.; но Е—въ былъ второгодникъ, по буквѣ устава нельзя было дать ему ни переэкзаменовки, ни снисхожденія. Послѣ Е—въ поступилъ въ солдаты и былъ убитъ на войнѣ. Долго послѣ не могъ забыть этого несчастнаго Ѳ. Вл.: „какой славный былъ малый этотъ Е—въ, развитой, съ прекрасной душой“, говаривалъ онъ мнѣ и много лѣтъ спустя...

Ѳ. Вл. всегда старался защитить ученика, найти въ его винѣ оправдывающія обстоятельства, прежде чѣмъ дать согласіе на строгую карательную мѣру.

Можетъ быть, спросятъ, да какъ же объ этомъ его свойствѣ могли доходить свѣдѣнія до насъ, учениковъ? Вопервыхъ, другіе учителя говорили объ этомъ, да и вообще не тайна, что ученики почти всегда знаютъ суть засѣданій педагогическихъ совѣтовъ. У насъ, напримѣръ, былъ одинъ ученикъ, который забрался передъ однимъ важнымъ засѣданіемъ совѣта въ книжный шкафъ и оттуда слышалъ все, что тамъ происходило. Вотъ почему мы на другой же день узнали, что Ѳ. Вл. тогда отказался быть секретаремъ совѣта, такъ какъ ему приходилось составлять протоколы объ исключеніи, котораго онъ нехотѣлъ, какъ мѣры жестокой. За то и любили же его мы! У бывшихъ его учениковъ его имя и теперь еще живо на устахъ. Почти всѣ воспоминанія о нашемъ училищѣ той поры концентрируются около его имени. Если сойдутся два-три орловскихъ реалиста 70-хъ и начала 80-хъ годовъ, непремѣнно добрымъ словомъ помянутъ Ѳ. Вл—ча...

Такъ вотъ и возстаетъ онъ, высокій, статный, своими добрыми вдумчивыми карими глазами смотрящій прямо въ лицо провинившагося ученика: „Ну, ты, юноша, (любимое имъ слово обращенія)—чего тамъ?“

Не станетъ онъ размазывать, бывало, твою вину, и тратить лишнія слова, а прямо и отчетливо выскажетъ свой взглядъ на проступокъ или на лѣнь, да скажетъ такъ, что, не унизивши провинившагося, возбудитъ въ его сердцѣ чувство стыда, а головѣ дастъ живую работу мысли.

Свои предметы—русскій языкъ, славянскій, логику, теорію словесности, литературу—онъ преподавалъ образцово. Каждый его урокъ отличался замѣчательной ясностію и внушительностію. Его превосходные разборы русской и славянской рѣчи, его толкованія

образцовыхъ произведеній отечественной словесности какъ живые стоятъ предо мною, несмотря на даль тѣхъ лѣтъ, когда я былъ ученикомъ Ѳ. Вл—ча. Помню, что за дивныя минуты переживали мы, ученики, когда онъ объяснялъ „Пророка" Пушкина и Лермонтова. За стѣнами училища въ ту пору шелъ дождь, шумѣлъ вѣтеръ, небо было покрыто тучами, а мы, подъ увлеченную рѣчь дорогого учителя, всей душою переносились на далекій, знойный, сверкающій востокъ и умственнымъ взоромъ созерцали дивную картину, развертывавшуюся передъ нами. А сколько разговоровъ и споровъ возбуждали всегда вопросы, поднятые имъ на урокахъ! Этотъ учитель русскаго языка былъ истиннымъ крестнымъ отцомъ нашего духовнаго развитія.

Но дорогой наставникъ-другъ! сколько бы ни писалъ я о добрѣ, и лично мнѣ и другимъ, товарищамъ моимъ, сдѣланномъ тобою, я не выражу ни великихъ заслугъ твоихъ, какъ воспитателя молодыхъ поколѣній, ни всей силы нашей тебѣ благодарности. Твой свѣтлый образъ смотритъ на меня и оттуда, изъ лучшаго міра, гдѣ ты теперь. Онъ поднимаетъ въ минуты упадка силъ мою душу и шлетъ ей ободреніе и помощь.

Орелъ, іюнь—іюль 1901 г.

ОГПА
Библиотека

T.D. 2-1971

6.

P.2

Pueblo

O Qe

Vus. Susi A.C

11448

LA
2377
T78A5

Annenkov, Mikail Nikolaevich
Fedor Vladimirovich
TSvietaev

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERS

KATHLEEN MADILL BEQUEST
from the

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 12 10 19 12 041 8